

А. М. БУХАРЕВ

Моя апология

по поводу критических отзывов о книге: «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской»

Когда, окончательно приготовив книгу «О современных духовных потребностях...» к изданию, я задумался об ожидавшей ее судьбе по выходе в свет, то мне припомнилось, каким истязательным, мучительским перетолкам ругателей подверглась первая моя книга — «О православии в отношении к современности», при совершенном почти равнодушии к этому со стороны нашего общества и литературы. Судя по господствующим направлениям русской мысли, я не мог не видеть, что мне еще нельзя надеяться признанья в нашем умственном мире прав гражданства и за новою книгою, выясняющею мои воззрения на нашу современность с ее нуждами. Мне уж заранее слышались голоса, присуждающие мою книгу на заточение в какую-нибудь умственную Сибирь. Но любовь к истине, соединенная с уверенностью, что истина, хотя и путем креста, все же достигнет когда-нибудь торжества жизни, не дозволила мне ни на минуту колебаться относительно издания книги. Книга вышла в свет; но не замедлили исполниться и мои предчувствия или, точнее, простое предвидение ее судьбы. Со стороны русской мысли, духовной и светской, уже брошены на эту книгу черепки беспощадного остракизма¹. На каком основании, по каким законам? Сейчас будет показано это, и пусть сама же русская мысль обсуждает все дело*.

Духовная мысль высказалась насчет моей книги «О современных духовных потребностях...» именно в «Духовной беседе»

* Дело здесь касается самого существа моего образа мыслей, а не просто критических обо мне замечаний. Поэтому я и озаглавил свою монографию «Моя апология».

(см. Церков. летопись 7 августа 1865 г., с. 461–472). Это не «Домашняя беседа», которая признает словно миссией своей относиться ко мне не иначе как с желчными выходками, достойными не ответа, а только сожаления. В «Духовной беседе», напротив, говорят, что «никогда не бросят на меня камня». Конечно, под этим камнем разумеют здесь не более, как грубые личные оскорбления. У нас надо благодарить и за это! Но и с таким благородным и мирным духом, в «Духовной беседе» все же затрудняются моему воззрению «придать характер православной истины». Вот что критика «Духовной беседы» рассудила о моих статьях в книге «О современных духовных потребностях...»:

«Кто пересматривал разбираемый нами сборник статей или отдельно читал его статьи <...> тот, верно, уже понимает, какого рода недостатком страдает упомянутое сочинение этого автора. Оно опускает из виду Церковь, в которой сыны христианского общества возрождаются, воспитываются и возвращаются, *до меры возраста исполнения Христова*» (Еф. IV, 13), и относит все дело нашего совершенствования непосредственно к Иисусу Христу... По смыслу представлений автора выходит, что вследствие самозаклания Агнца Божия, пострадавшего за все неправды людей и открывшего для них источник любви Божией, нам самим остается только восставлять себя в Его человеколюбивом духе по всем силам души: уму, воле, по чувству. Всецелое искупление нас Агнцем и непосредственное, тоже всецелое, восставление себя в Его духе: вот две главные мысли, на которых держится весь сборник статей»...

Приписывая мне такое воззрение, устраняющее Св. Церковь от участия в деле нашего духовного оживотворения, критик, в мое вразумление, то развивает вкратце православно-догматическую теорию о Церкви, то выводит на чистую воду разные несообразности или нелепости приписанного мне неправого воззрения; то заподозривает или даже положительно винит меня в какой-то «преднамеренности», в каких-то «скрытых побуждениях», заметно, впрочем, будто бы «высказывающихся в том простодушии и наивности, с которыми я во всем, начиная от изделий мечтательного романа и кончая хлопотливыми заботами о житейских потребностях, думаю будто бы видеть инстинктивное или сознательное служение Христовой истине и благодати». Таким образом, пронизательность моего критика уж не останавливается и на том, чтобы приписывать мне неправомысленное умолчание о «необходимом (для нас) посредстве Церкви, которою самим делом совершается в нас обновление и со-

вершенствование во Христе». «Мало того, — так еще говорит о статьях моих не хотящий бросать на меня каменьев критик, — они все ход обновления мира и воссоздания человечества представляют если не моментально совершившимся в существе Голгофской жертвы, то — продолжающим совершаться чрез всю историю человечества в силу, так сказать, тяготеющего над нами и нравственно необходимого закона — возглавления всего Агнца. Автор допускает даже инстинктивное, бессознательное со стороны человека осуществление этого закона»...

По всему этому критик приписывает мне «какой-то идеализм веры» и «тайное, но сильное будто бы ратование против какого-то подразумеваемого материализма» веры, разумея под последним, кажется, едва ли не всю православную церковность или, по крайней мере, внешнюю деятельность веры по духу церковному.

Такой образ воззрений, по словам критика, едва ли можно (очевидно и решительно — нельзя, а «едва ли можно», говорит снисходительный критик, чтобы не бросить только на меня камень), «назвать истиною Церкви Православной, а не отсветом чего-либо другого, где человек, верующий во Христа Спасителя, всего меньше нуждается в руководстве закона и делах как сын благодати и любви Отчей». То же сказать просто и прямо: образ воззрений, выше объясненный, относится не к православию, а разве к лютеранству, пренебрегающему наружною деятельностью и всею почти церковностью. — К этому присоединена и старая песня обо мне, начатая «Домашнею беседою». «Служа делу истины и веры, он, — так говорит обо мне мой критик, — как будто вредит им тем, что в своем религиозном экстазе готов оправдывать и извинять многое бесконечным самопожертвованием и человеколюбием Агнца, зажавшегося за нас, — ослабляет тяготу греха и порока собственно для людей». В заключение всего разбора книги моей критик, высказав свое сочувствие ко мне, выражает «желание мне только того, чтобы я сам строже и внимательнее, с должным смирением вновь просмотрел свои умоначертания при свете Православной Церкви» и т. д.

Не правда ли — духовная критика, и не бросая на меня камня, тем не менее решительно отказывает моей книге в правах гражданства в православно-русском умственном мире. Конечно, не будь у меня разных, слишком вразумительных, в этом же именно роде опытов последних пяти или шести лет, — подобный приговор моей книге, или даже вообще моему образу воззрений, или моим, по выражению критика, *умоначертани-*

ям озадачил бы меня как самая тяжелая нечаянность. Но мне уж пора привыкать ко всему. Все же, думаю, русским людям и критикам, особенно духовным, должно быть справедливыми и ко мне.

Главный и основной недостаток в моих воззрениях, по отзыву духовной критики, состоит (как выше показано) в преднамеренном и неправомысленном умолчании моем о Церкви, о ее посредстве в деле обновления и усовершеня нашего. Справедливо ли это нареkanie критики, зараз низвергающее мою книгу с высоты православия в область или дух лютеранства или чего другого подобного? Раскроем самую книгу мою*. В ней оказывается (и читатель может поверить это собственными глазами), что Св. Церковь я называю *материю нашею* (см. с. 74) и что усыновление наше Отцу Небесному и сообщение с Сыном Его отношу я прямо к благодати крещения и других Святых таинств Церкви (с. 325), также и начатки в нас Духа животворящего (слич. Рим. VIII, 23) признаю *существующими* в нас именно по жизненному действию Святых таинств Православной Церкви (с. 321). Из книги моей видно, что особенно люблю я представлять Св. Церковь, последуя в этом Ап. Павлу, *благодатным Христовым телом*, имеющим свою душу и главою одного и прямо Самого Господа, *который раскрывает Сам из Своей, человеколюбивой, до крестного самопожертвования, благодати и истины всю полноту церковного тела — иерархии и прочих членов Церкви, всю полноту церковного чина и уставов* (см. с. 197 и 10). Твердо поставляя на вид ту истину, что в этом благодатном теле Христовом мы, и светские и духовные, *разнимся взаимно отнюдь не как тело и душа, а только как разные члены и разные органы одного общего Христова тела* (с. 10), я в своей книге столько же твердо поставляю на вид, что органы Церкви, составляющие ее иерархию или чин священнослужителей, отделяются от прочих своих сочленов как *участники особенной благодати священства и что эта особенная благодать дана им для благодатного послужения именно тому, чтобы Христос Господь был и со всеми прочими для спасения их от всего лживого, пагубного, вообще греховного* (с. 310). В этом я утверждаюсь на прямом свидетельстве слова Божия (Еф. IV, 11–13), что *Господь дал Церкви своих пастырей и учителей для такого созидания этого Христова тела, чтобы нам всем прийти в единство веры и познания Сына Божия, в зре-*

* Курсивом отпечатанные ниже слова — взяты с буквальной точностью из моей книги.

лость мужа, в меру полного возраста Христова (с. 572). Довольно ли всего этого для доказательства, что я в своей книге совсем не умалчиваю о Св. Церкви и необходимом ее посредстве в деле нашего обновления и усовершенния духовного? — Кажется, и сказанного уже слишком довольно для книги, посвященной раскрытию не нарочито учения о Церкви, а *современных духовных потребностей мысли и жизни, особенно русской.*

Или, пожалуй, не слишком ли отвлеченно-общи в моей книге представления о Церкви, так что обходится намеренным молчанием церковное различие православия от неправославных видов христианства или даже от явлений предваряющей благодати вне христианства? Напротив, я в книге представляю Церковь не как только отвлеченное какое-то царство духовной бесконтрольной истины или мысленную область всего во всем мире, подходящего к такой истине. Я своею верою знаю и исповедую в книге именно и прямо *одну Православную Вселенскую Церковь* (с. 200), не только с Св. таинствами и *равноправною во Христе множественностию церковных вождей* (с. 559) или иерархией (о чем уже выше говорено было словами моей книги), но и с непрерывным живым *преданием*, вводящим нас по Христу *во внутреннюю связь духа, мысли и жизни со всем благодатно-живым составом Церкви Вселенской всех времен: и века апостольского, и периода гонений, и периода Вселенских соборов и т. д.* (с. 562), с *соборами*, одушевленными особенно живым обращением веры ко Христу и осененными за то особенным же благодатным присутствием Христа, с *учением*, раскрывающим свет и силу слова Божия сообразно с обстоятельствами и потребностями времен, с утвержденным *Божественными правилами церковным устройством*, с *благодатною церковною дисциплиною*, с разными бытовыми отношениями...

Всего этого, притом не мимоходом, я касаюсь в моей книге, но рассуждению об этом посвящаю целую статью (с. 553–575: «Отзыв на заграничные письма о. протоиерея Васильева»). В составе или области Православной Вселенской Церкви в настоящее время книга моя указывает далеко, далеко не весь мир, а только *православный Восток и Россию*, твердо притом поставляя на вид, что и в православной России область православия немало опустошается духовно как *духовно-языческим* направлением некоторых действующих и мыслящих помимо Христа, так и *духовно-иудейским* направлением иных, не входящих в живую силу православия, а ревнующих особенно о его букве (это многократно и многообразно высказывается в книге). Что касается до Запада, неоднократно же в моей книге выставляет-

ся на вид как неправомыслие римского католичества, которое чрез возглавление своих христиан не в одном и Самом Христе, а и в простом земном человеке, низвергла их с неба на землю, так и *фальшивая рациональность* лютеранства и протестантства, *которая самочинно, или с самовластием над Божиим делом, преобразовала христианство многих наций на Западе* (с. 195). Только я в своей книге, согласно церковной молитве «о соединении всех», выражаю по местам горячие желания и ожидания этого всемирного торжества православия — воссоединения неправославного Запада с Востоком православным; причем слежу по движению мировых и церковных судеб, насколько и как приближается это всежеланное «соединение всех» *церквей и христиан в одну Православную Вселенскую Церковь* (см. с. 192–208). Таким-то путем попечения, собственно, о Церкви, по моим мыслям в книге, *и ведет Всевышний Отец возлюбленное им ради Своего Сына человечество к его назначению или, что то же, ко спасению рода человеческого* (с. 126–137). И после всего этого меня винят в «молчании о Церкви», происходящем от каких-то отвлеченно-идеальных представлений или даже от каких-то «скрытых побуждений», как будто, по моим воззрениям, «человек и человечество идут к своему назначению» помимо Церкви? Если же я, согласно Евангелию, говорю в своей книге, что Христос Бог-Слово есть свет, светящийся и во тьме человеческой (Иоан. I, 5), давая иногда и такому темному человеку, как христубийственный Каиафа, пророчествовать, и это даже при самом приготовлении смертного приговора на Христа (XI, 49–51), если потому и во тьме неправомыслия и даже язычества внушаю не пренебрегать, а отыскивать всякие искры от Христова света, верность которым поднимает и неверных — к правосмыслию: то и это делаю я не иначе, как в прямом интересе ручаемого чрез это *единения церквей в одной Вселенской Церкви, торжества истины и правосмыслия*, или православия, в мире, — в этом православно-церковном интересе, от которого у меня неотделимы *благо человечества и свое* каждого человека (см. с. 491). Свет Христов, светящийся и во тьме внецерковной, я признаю собственностью этой же полноты Христовой — Св. Церкви, как *свет православия, простирающийся на всевозможные среды*, по крайней мере чрез предваряющую или предуготовляющую и привлекающую к православию благодать (там же). Таким образом, Св. Церковь Православная является, по моей книге, единственною и вселенскою, просветительною и животворною для нас и мира, областью Христовой истины, ясно и резко обозначенною в книге и по своим

существенным принадлежностям, и по своему нынешнему объему, и по своему составу, и даже по своему отношению и к такому Христову свету, который светится во внешней для Церкви тьме.

Или я с «скрытыми побуждениями» молчу о внешней церковности, например — о храмах, о богослужении церковном? И в этом нет опоры и оправдания для заключений о моей книге духовного критика. Книга моя говорит прямо о *Божием храме, находясь в котором на небеси стояти мним, по выражению церковной песни* (с. 43). Книга обстоятельно разъясняет, как за богослужением просто и доступно даже простой женщине при виде священнослужащих на всех их степенях возвышаться душою к Самому Господу, проявляющему чрез них и их служение благодать Своего ходатайства за нас пред Отцом Небесным (с. 67), как в порядке и составных частях церковного богослужения дается нашей вере приникать ко всему историческому ходу и самому существу дела нашего спасения Христом (с. 139–141 и 216–218). В книге говорится не только о святых и досто- чтимых иконах, хотя бы они были и суздальского изделия (с. 74), не только о благодатно-живой знаменательности частей храма, особенно алтаря (с. 66), но и о духовной назидательности само- го звона церковного, особенно задостойного, возвещающего и находящимся вне храма великую *минуту преложения простого хлеба и вина в ходатайственную за весь мир жертву самого тела и крови Господа нашего* (с. 60). — В чем же я показался духовному критику каким-то идеалистом веры, скрытно, но сильно ратующим против какого-то материализма церковности, когда и вся внешность последней представляется у меня руководительною и духовно-живительною для нашей веры?

Или я сам, в развитии моих мыслей в книге, пренебрегаю руководством и благодатным авторитетом Церкви? Все выше- сказанное мною о моих воззрениях на Церковь достаточно уже для отражения подобных предположений или подозрений на мой счет. Но и затем книга открыта пред всеми. Самые коренные и любимые мои мысли раскрываются не только из Священного Писания, но и из святоотеческого духа и слова (см. с. 379–382), на основании вселенски-соборных церковных определений (с. 27 и 28) с буквально-точной иногда цитовкою соборных постановлений (с. 566 и сл.), из церковных молитв и песнопений (с. 557, 388), из сказаний православно-церковных (с. 402 и сл.), из примера прославленных в Св. Церкви святых (с. 478, 106–108, 45). Такой образ и развитие мыслей свойственны ли человеку, который не считал бы за необходимое в деле истины иметь в виду дух и смысл православно-церковного

верования, а, напротив, преднамеренно молчал бы о руководительстве Церкви?! Да целая первая половина моей книги даже и изложена так, что весь мой образ мыслей даже наглядно поставлен под духовное руководство лица церковного — священника (см. с. 1–275), чтобы мне не только не быть, но и не показать себя кому-либо стоящим вне церковного учительства. Самый мой, по выражению критика, «своеобразный взгляд», примеченный им, как видно из цитованных им страниц (96–97), особенно в моем совете верующему человеку, *чтобы, раскланиваясь с знакомыми или знакомясь с незнакомыми, вспомнить, что это все иконы Бога, создавшего человека по Своему образу, и воздать Ему в своем духе честь и поклонение*, исполняя чрез это всю силу православного обычая кланяться при входе в дом, пред святыми иконами, — и этот «своеобразный взгляд на веру» принадлежит не моей личной оригинальности. Еще св. Иоанн Дамаскин, ревностный и мудрый защитник иконопочитания, в своем «Точном изложении веры православной», указывает в наших взаимных поклонах первое проявление и выражение иконопочитания; так как люди почтены от Творца бытием по Его образу и подобию. Так, видите, и моя своеобразность не выходит вон из области святоотеческого духа, духа церковного, немножко, кажется, забытого моим критиком в этот раз...

Что же такое отвело моего критика от справедливости до такой степени, чтобы видеть в моей книге то, чего в ней нет, и не видеть того, что в ней есть столь открыто и разносторонне? Уж не особая ли, наконец, моя судьба, на которую, может быть, только не хотелось духовному критику бросать каменьев, но которая все же так заботливо поставляется на общий вид известною партией и органом моих доброжелателей², вызывающих своих читателей и сторонников на благую мысль: «И у нас-де показываются лютерики»?! Я говорю слышанную речь. — Чтоб и в этом не давать добрым людям повода заподозривать меня и мои книги, вопреки их прямому смыслу и содержанию, в какой бы ни было скрытности моего намерения и побуждений, да будет позволено мне сказать (хотя, признаюсь, неохотно и с болезнью сердца принимаюсь за такую речь) и об этом предмете несколько слов, не касаясь, конечно, никаких обстоятельств, не от меня зависевших... Так, видно, у нас надо растолковать и это, что иное дело свергнуть с себя монашество как что-то ненормальное и с ним всякую зависимость от Церкви, — так поступил Лютер; и иное — просить и получить, по действующему в Православной Церкви порядку, у ней же самой осво-

бождение от этого доброго духовного ига, не переставая сознавать и возвещать и даже защищать равноангельную его высоту и святость (см. в моей книге с. 28, 95), свидетельствуя притом полную свою зависимость от Православной Церкви принятием законной церковной эпитимии, соединенной в православной России с пожертвованием и в гражданском быте всего заслуженного дотоле, без возможности заслужить и даже служить и впредь до самой смерти. В этом последнем случае, очевидно, нет и тени тех противоцерковных стремлений и начал, вина которых падает на Лютера (умеряясь, впрочем, значительно тем, что и сама отвергаемая им Церковь римско-католическая есть неправомысленная). Такой вины несправедливо искать в православном человеке, допустившем вышесказанное, — несправедливо даже тогда, когда захотите винить и осуждать его в нравственном падении.

Но — *не судите, да не судими будете*, говорит нам Господь (Мат. VII, 1). Справедливейе или безопаснее от возможности ошибиться допускать возможность лучшего и в таком человеке, который оказался почему-нибудь явно *ззорным**. — Нужно ли вам указать на пример, против которого православные, конечно, не позволят себе возражать? Вот первоверховный Апостол Павел в одном из своих посланий говорит о другом первоверховном Апостоле, Петре, что он, по одному случаю, *ззорен бе*, явив себя *неправо ходящим по истине* евангельской; так что Павел «лично противостоял ему» во имя этой Христовой истины (Гал. II, 11–14). А все дело состояло в том, что Петр как Апостол обрезанных, щадя слабость и упрямство младенцев веры из иудеев, принял вину их пристрастия к иудейству на себя и потому за них подвергся запрещению истины из уст Апостола языков. Так и Петр, являясь *ззорным*, делал собственно Христово дело. И Павел, противопостав Петру с обличительным запрещением, отстаивал именно Христову истину. Обратимся теперь к нашему предмету. Бесспорно, к ззорным делам принадлежит это дело — оставление равноангельных обителей и выход из них в мир. Но есть возможность лучшего, хотя и трудная и многоопасная в исполнении, — и в таком деле. Я думал,

* Предупреждаю снова, что все дальнейшее о самом себе и о своем деле я говорю только по необходимости объясниться сколько-нибудь против вредных самому делу истины перетолков; и говорю притом только в смысле некоторого отчета в том, чему я хотел и считал справедливым следовать. Но насколько это исполнено мною нравственно, этого я вовсе не касаюсь.

что в книге моей удобно и просто рассуждающим найти разъяснение такой возможности, достаточное к рассеянию, по крайней мере, добросовестных, незлонамеренных недоразумений на мой счет. Вот что относительно этого предмета, можно прочесть в моей книге: *Дух святоотеческий не только не смущался, но не знал, как довольно нарадоваться в том случае, если строгий пустынножитель и подвижник, движимый Христовым человеколюбием взыскать погибающую в мирском растлении душу, пойдет из своей пустыни в мир**, изменит свою подвижническую одежду на светскую — военную, не погнушается даже войти в дом разврата и здесь сядет за роскошный стол с мясами и винами, поведет свободную беседу с блудницею, пока наконец поставит эту погибающую душу на путь спасения и правды. Так именно поступил св. Авраамий для спасения своей племянницы Марии, и св. Ефрем Сирианин, описывая это в своих творениях, с восторгом восхваляет подвижника за такое дело. Видно, по святоотеческому образу мыслей, уж не падением с духовно-благодатной высоты будет деятельное следование за Христом, пришедшим из небесных своих обителей (не просто из общества равноангелов, а всех святых ангелов, как пояснено в другом месте книги, с. 31) — в грешный наш мир для послужения спасению погибающих, хотя бы для этого следования оказалось нужным допустить такие или другие видимые несообразности с обыкновенным духовным порядком (с. 381). Но сила (прибавлю здесь к сказанному в книге), сила и обыкновенного, издревле освященного в Церкви, духовного порядка может при этом достаточно оградиться от ослабления видимыми с ним несообразностями — этим строгим законом церковного запрещения, открытого пред всеми и соединенного с тяжелыми гражданскими лишениями и ограничениями. Итак, видите, что и не по падению нравственному, а по согласному с святыми учителями и подвижниками Церкви мудрствованию именно того, еже и во Христе Иисусе, сошедшем из небесных обителей в наш грешный мир и здесь в крестной смерти явившемся точно олицетворенным грехом и клятвою или проклятием (Гал. III, 13; 2 Кор. VI, 21; Филип. II, 5), есть возможность выйти из равноангельной обители в мир и

* Не внешность, конечно, обстоятельств, а дух и силу этого поступка надо иметь в виду для подражания, насколько оно вместиимо для того или другого из нас. Но не дерзко ли, не самохвально ли самое правило или начало такого подражания? *Будите совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть*³, сказано нам.

здесь явиться эпитимийным грешником*. Зачем? Да хоть бы прежде всего затем, чтобы и на деле, сколько для меня, по моей немощи, возможно, провести с терпением до конца мой, как глумливо выражаются о мне, «принцип» о последовании Божию Агнцу и о раскрытии Его света для всякой среды мира нашего, — для того чтобы забывшие истинную силу креста Христова не смели безнаказанно и даже бесконтрольно, ко вреду Церкви, глумиться над принципом Агнца Божия, вземлющего грехи мира, и считать этот мир уже неисправимую, отверженную областью греха. Пусть они накажутся до конца чрез собственный свой соблазн крестом Христовым, а святой и животворящий крест Господень да сияет и ныне, как всегда, спасением грешному миру. Скажу прямее словами моей книги: *Есть соблазн креста Христова, упоминаемый (Гал. V, 11) Апостолом Павлом...** И нам, когда дело идет о раскрытии и применении духа и силы Христова снисхождения в мир и самопожертвования за этот грешный мир, не надо уж задерживаться никакими соблазнами людей противоположного этому направления. Напротив, чтобы подорвать подобное превратное направление в его внутренней мертвящей силе, возмогшей некогда и богоизбранный народ привести к отвержению (а это — урок или образ для нас), должно по возможности не только словом, но и делом твердо выдерживать дух крестного самопожертвования Агнца Божия за мир, сколько бы чрез такое слово или дело ни усилился соблазн креста Христова в не хотящих знать истинной, живой силы этого креста (с. 344–345).* Скажете ли, что говорить так по отношению к себе и своему делу, — значит страдать слишком самоуверенным самохвальством? Но я вынужден объяснить истину язвительными перетолками, и особенно в отвращение соблазна именно для *малых сих* — людей простодушных, которых стараются насильно соблазнять моею судьбою. Впрочем, нет ни самоуверенности, ни самохвальства — говорить только о возможности лучшего в своем деле, — возможности, которую исполнить как следует, и притом *до конца*, еще как Бог даст. Кажется, довольно сказано и на этот предмет.

* Чрезвычайность подобной решимости объясняется из необычайности положения человека, на которого клеветают упорно, будто он говорит о спасении людей Агнцем Божиим без нашего практического ему соответствия.

** Опущенные здесь слова моей книги объясняют, что ни Сам Господь, ни Апостол Павел нисколько не задерживались подобным соблазном.

Таким образом, и моя судьба с роковою ее переменою, насколько она может быть выясняема, особенно из моей книги «О современных духовных потребностях...», не дает основательного повода к заподозриванию меня в противоцерковном начале. Но все же стоит разъяснить, почему же духовная критика нашла в моей книге, наперекор всем вышеприведенным из нее данным, преднамеренное молчание о Церкви? Если по моей совести и по ясным свидетельствам из моей книги нет с моей стороны причины к заключению о книге, сделанному духовным критиком, то нет ли какой причины к этому со стороны самого критика? Действительно, есть такая причина в самом направлении * духовной мысли, которому следует мой критик, но которому, ради истины и блага Св. Церкви, с силою противодействует моя книга.

Для выяснения, в чем тут дело, я должен поставить на открытый вид собственное духовное направление, несогласие с которым духовного критика увлекло его до ложного, как оказалось уже, обвинения меня в намеренном молчании о Церкви.

Я своею верою стою за единую Св. Церковь — православную, со всеми ее догматами и правилами, принадлежностями и учреждениями, но стою за нее, по слову Божию и собственному ее учению, именно как за благодатное тело Самого Христа или как за такую Его полноту, в которой Он наполняет все во всем Самим Собою, в силе Святого Своего Духа и по благоволению Своего Отца (Ефес. I, 22, 23). Исповедую, что иота едина или черта благодатной православной церковности не прейдет⁴; но всю силу непреходящей новозаветной церковности, весь божественный авторитет Св. Церкви признаю и полагаю существенно в одном и Самом Христе, Божиим Сыне и Агнце. Он есть глава единственный и вседействующий благодатию Св. Духа в Своей Церкви, которая потому и следует этому, непреложному для всей ее целостности и для каждого особого ее члена, закону веры — *не к тому себе жить, но жил бы в ней и в каждом ее члене Сам Христос* (Гал. II, 20). В особенности Господь в тех членах Своего благодатного тела — Церкви, которые принадлежат к иерархически избранным и освященным Его сосудам или орудиям, проявляет благодать Своего вечного архиерейства и

* Я говорю не просто о воззрениях и мыслях, а о *направлении* мысли, по которому бывает, что, и не отрицая, даже не ослабляя почти никакой общедогматической, нравственной и исторической истины Евангелия, делают из Евангелия какое-то, по выражению Апостола, *иноблаговествование*, которое то же, да не то (см. Гал. I, 6, 7).

священства, возводящего нас в любовь Отца Небесного; но такое их служение установил Он в Церкви как необходимое именно для того, чтобы быть Ему же Самому благодатию и духом Своим и в прочих членах Своего благодатного тела — в верующих мирянах. Из такого существа и устройства Церкви объясняется, что в благодатной ее области, в этой области любви и благоволения Всевышнего Отца, есть и материнское церковное руководство верующих, принадлежащее в основании и существе дела Самому человеколюбивому нашему Спасителю и Его Духу; и — остается не стесненною духовная самостоятельность детей Церкви, усложняемая благодатным присутствием в них также Самого Христа и сыновнесвободного Его Духа. Это с чудною духовною стройностью и красотой открывается (и в моей книге с особенною любовью следует) в истинно благодатных и живых отношениях как между православными властями — светскою и духовною, так и вообще между православными духовными и мирянами. Так, *духовная власть, или православная иерархия, не вмешивается (без призвания и приглашения) в дела и распоряжения царя и правительства его, чтобы самозванно и мятежнически не посягнуть на располагающую ими власть Самого Христа, Господа нашего; повинуюсь царю в гражданском порядке, церковное пастырство и в этом служит державе Самого Господа своего. Равным образом и православный государь с своим правительством чужд всякого притязания на присвоение себе собственно-духовной власти; внимая, как сын Церкви, духовному руководству пастырей церковных и предаваясь «тайноводственной» в них (совершающей Божественные таинства) благодати, государь чрез это следует и предается также Самому своему Спасителю и Господу Иисусу Христу, не отграничиваясь от людей в своей власти (см. в моей книге с. 573 и 574).* Так точно и вообще бывает или должно быть, что духовные, будучи *соработниками Богу и строителями таин Божиих* в своем служении спасению людей (1 Кор. III, 9; IV, 1), всю силу своего церковного авторитета и дела полагают, однако, в Самом Господе, Которому неуклонно и внимают во всем на поприще своего служения; они знают из слова Божия о своем «соработничестве у Бога», что *ни насаждая что есть, ни напоаяй, но возвращай Бог* (там же, III, 7), что даже при апостольской высоте и обширности служения духовного следует мыслить и располагаться так: *паче всех их потрудихся, не аз же, но благодать Божия, яже со мною* (там же, XV, 10). Внимая же и следуя Самому Господу и человеколюбивому Его Духу в своем служении, новозаветные пастыри чрез

это и становятся далеки от той ветхозаветной жестокости, чтобы только возлагать тяжкие и неудобноносимые бремена на других, не касаясь сами и пальцем этих бремен (Мат. XXIII, 4). Напротив, они, в духе Христова снисхождения в мир и самопожертвования за мир, соучаствуют своим духом и сердцем вотягающих мирян бременах, служа всею душою своею, своим пастырством, учением и тайнствами тому, чтобы Христос был Своею благодатию с православными во всякой их среде и работе мирской к избавлению всего от зла и греха. Да! Православные служители алтаря, верные своему призванию, сознают себя призванными и необходимыми для послужения благодатию, им данною, именно тому, чтобы Господь, в силе Своего Духа, был Сам со всеми и каждым в новом Израиле и чтобы таким образом каждый в своей области имел уже не подавляемую повелителями и приставниками (Гал. IV, 2) духовную в Господе самостоятельность, и это — столько же в отношении к знанию, сколько и к каждой деятельности и работе человеческой. Они, православные духовные, вменяют себе в непременную обязанность в своих отношениях к мирянам беречь духовную их самостоятельность под опасением в противном случае несчастной возможности коснуться стеснительно и принудительно самого Духа Господня, не чуждого в Церкви и мирянам. Зато и эти последние, православные миряне, если хоть сколько-нибудь дорожат тем, чтобы Христос был с ними и в них, не могут не дорожить уважительно и послушливо самим церковным руководством и пастырским званием, служащими вселению Христа в их умы и сердца чрез веру; хотя при этом они и сохраняют, не по своеволию и возношению, а ради увенчания в них дела самих пастырей, духовно-благодатную свободу чад во Христе Самого Бога, приобретенную им Христовою кровию и даруемую сообщением им Духа усыновления. И обыкновенно так бывает, что прихожане и последним делятся с своими отцами духовными, когда живо сознают и почувствуют, что, по служению духовенства молитвою и словом и делом, Христос точно пребывает благодатно в них и с ними, труждающимися и обремененными в этом мире (с. 445, 242 и 243).

По раскрытому сейчас существу и действию православно-церковного порядка, нет места в Св. Церкви ни духу папистического, подавляющего преобладания над верою, этого совместничества с единственным и вседействующим главенством над Церковию Самого Господа, ни направлению своеволия и самочиния протестантского, не повинующегося также Самому Гос-

поду чрез отрицание церковных освященных служителей, правил и учреждений; хотя притом с возвышением над этими двумя фальшивыми односторонностями и авторитет Церкви возвышается до Божественности ее главы — Самого Христа, и благодатная свобода, или духовная во Христе самостоятельность верующих, утверждается непоколебимо в Самом же Христе и Его Духе, Им сообщенном в Церкви. По такому православно-церковному порядку выходит, что усвоение нами себе Христа в живом Его Духе, сыновнесвободном, человеколюбивом, до схождения Его с небес в мир наш и до самопожертвования Его за этот грешный мир, и составляет бесценную принадлежность и обязанность нашего «вцерковления» (как выражается мой критик), или нашего внедрения и утверждения в Св. Церкви как членов этого благодатно-живого Христова тела; так же как и, наоборот, разумение, соблюдение и раскрытие православия церковного, истин, правил и учреждений Церкви, не одушевляемое животворящим Церковь духом святого Христова человеколюбия и сыновнесвободной самостоятельности и правды, не направляющее духа нашего к Самому Христу, не может служить истинному духовному просвещению и оживотворению нашему. Потому-то моя книга, в видах не задерживания, а раскрытия животворного и просветительного для нас и всего мира значения Св. Церкви, усиливается, особенно, направлять мысль и чувство духовных и мирян к Самому Господу, располагать и вводить верующие души в истинный и живой Дух Христов, стоящий за все человеческое, кроме греха, или зла, им упраздняемого, — дух не осуждения мира, но спасения его, дух не стеснения рабского, но сыновнесвободной и твердо самостоятельной правды, Агнчий дух кроткого снисхождения и смирения, но не жесткого возношения или забитого унижения духовного. Вот это-то самое и оказалось противоборным направлением мысли и духа моего критика. Усиленные мои убеждения и внушения (согласно самому существу православия и Церкви) возвышаться и направляться в деле мысли и жизни прямо к Самому Христу, к усвоению себе Его Агнчего духа, и в одном Самом же Христе полагать всю силу руководства и авторитета церковного приняты критиком за «покровительство идеализму, таинственности». Настоятельное мое (выводимое из коренных начал Христова тела — Церкви) требование неприкосновенности и в мирянах православных духовно-благодатной свободы или духовной во Христе самостоятельности, — показалось критику чем-то противцерковным. Каково же это духовное направление, коснящее, под прикрытием мысли о Церкви,

подниматься мыслию и жизнью во всем, особенно прямоцерковном, к Самому Господу и даже считающее самое требование этого и стремление к этому мистическим идеализмом?! Каково направление, посягающее во имя Св. Церкви — этой (см. Гал. IV, 26–31) свободной матери благодатно-свободных детей — на отнятие или ослабление духовной их самостоятельности?!

Можно бы не поверить или усомниться, чтобы не обскурант присяжный, а служитель духовного просвещения пошел против блюдомой самую Церковью духовной нашей самостоятельности в деле оправдания и спасения. Но духовный критик высказывается на этот счет с полною откровенностью. Вот его возражение против требования, и даже допущения, в деле спасения и усовершеня духовного, духовно-свободной самостоятельности, не стесняемой по-ветхозаветному *повелителями и приставниками*. Взяв за основание возражения мои же слова в книге (с. 274), что *благодатному прямо противоположна только наша греховность — прирожденная и произвольная*, — мой критик говорит: «*Но творяй грех*, скажем мы, с своей стороны, с Апостолом, *от диавола есть...* Спрашивается: что же по этому воззрению остается на долю человека? Чем свидетельствуется его самостоятельность в деле оправдания и спасения?» На такое затруднение в развитии моих мыслей, по словам критика, я будто бы и не обратил внимания. Но признаюсь, подобного затруднения к признанию в деле оправдания и спасения нашей самостоятельности я не считал и теперь не считаю и затруднением. *Творяй грех от диавола есть* — неоспоримо так; *но от диавола есть* такой человек только как *творяй грех*. Но как создание этот же человек уже *от Бога есть*⁵; особенно *от Бога же есть*, а не от диавола, остающееся и в падшем или грешном человеке то предрасположение к истине и добру, то соуслаждение его, *по внутреннему человеку, закону Божию* (Рим. VII, 28), закону истины и добра, которое делает человека грешного еще открытым к познанию и принятию истины и благодати. Итак, видите, что на долю человека грешного, еще даже на пути его в Церковь, предоставлено от Бога столько (чего? — конечно, благодати, хотя только предварающей), чтобы ему можно было и вступить в Церковь с полною духовною самостоятельностью. У нас в церкви маленьких ребят держат при крещении еще на руках — только по физической немощи и бессознательности их младенчества; но и тут Св. Церковь требует представителей и порук духовной их самостоятельности, свободно отрекающейся от диавола и сочетающейся со Христом, — восприемников. Тем более, уже сочетавшись со Христом и об-

лекшись в Него и запечатлевшись владычественным Его Духом, православным не только можно, но и непременно должно сохранять и выдерживать благодатно-свободную самостоятельность сынов и дочерей Божиих (опять, разумеется, сколько это совместно с их физическим возрастом и развитием; но и тут самое развитие несовершеннолетних должно вести в духе свободного усыновления их всеблагостному Отцу, а не подневольного рабства под приставниками). — Притом же еще, это Божие слово: *творяй грех от диавола есть*, есть меч острый не с одной стороны, но с обеих сторон, меч обоюдоострый. *Творить грех* и в этом отношении *быть от диавола* может случиться кому бы то ни было, не исключая никого и из пастырей и учителей церковных, не исключая даже апостолов (вспомните Искарриота Иуду). Итак, допустите, а вы не можете не допустить, возможность того, что приставники церковные — многие ли или один, кем вы стеснили бы или связали бы духовную самостоятельность чад Церкви, — впали бы и сами в несчастье *сотворить грех*, впасть в практическое или умственное заблуждение, в одностороннее и фальшивое направление и тому под. Куда, к кому они поведут и состоящих под их духовною опекою, не дающею этим последним пользоваться духовною самостоятельностью? Знаете, что *творяй грех от диавола есть*... Посмотрите на Запад, где уже совершилась эта злополучная возможность в области самой Церкви и церковного водительства*. Но нет, да не будет этого с нами! Духовные, в деле своего служения спасению людей, да внимают своим духом всегда Самому Господу, единому наставнику и двигателю сердец и умов, и с бережностью да охраняют духовную самостоятельность пасомых, из опасения, как бы иначе принудительно или стеснительно не коснуться самого Духа Господня, даруемого в Церкви и мирянам. Чрез это они и служат тому, чтобы Сам Господь вел руководимых ими и Дух Его охранял их на всех путях; и вместе тем же они отражают от мирян православных всякие умыслы и самую даже мысль о разделении между интересами духовенства и интересами Церкви и веры, между интересами жизненными (гражданства, политики, всей мирской жизни и мысли) и интересами религиозными, как это завелось на Западе**. Рав-

* См. третью статью в книжке моей «Печаль и радость, по слову Божию».

** Посмотрите, к каким мыслям и решениям привело на Западе мирян посягательство на духовную их самостоятельность со стороны духовенства, — посягательство, открывшееся сначала в римском католицизме, но озабочивающее и беспокоящее, видно, и другие христиан-

но и пасомые ими миряне, в своих отношениях к духовным своим руководителям и отцам, да внимают и да следуют духом своим тоже Самому Господу, единственному вождю и путию <так!> для людей к Отцу. Чрез это и они не только оказываются верными исполнителями церковных внушений и забот о их спасении, но служат и с своей стороны живою поддержкою для самих духовных — в верности Господу и Его Духу. Ведь вере, внимающей Самому Господу, внимает и Сам Господь; это — как во всем, так и в отношении к пастырям церковным.

Против этого, как кажется критику, «идеализма», так же как и в подрыв или ослабление личной духовной самостоятель-

ские общества. «Мы знаем, — говорит именно об этом Бокль, — что между интересами духовенства и интересами Церкви нет никакой связи. Мы знаем, что все вопросы церковного управления суть предметы не религии, но политики, и должны быть решаемы не на основании преемственно передаваемых догматов, а согласно с видами общей пользы... Если, например, мы нашли бы, что учреждение епископов, с их привилегиями и богатством, не благоприятствует прогрессу общества, то мы не стали бы из-за того враждебно смотреть на христианство, мы помнили бы, что учреждение епископов есть случайная его сторона, а не сущность его, и что мы можем уничтожить это учреждение, и все-таки сохранить религию». — Такая противочерковная крайность западных мирян, не забудем, вызвана была крайностями духовенства, хотевшего держать их под своею опекою как чуждых духовной самостоятельности. — «Так точно, — продолжает тот же ученый мирянин Запада и в том же духе, — если бы мы нашли, как найдено было во Франции, что духовенство тиранствует, то это возбудило бы нашу оппозицию, но не против христианства, а против внешней формы, которую оно приняло». — А ведь бывало и так, что из-за сказанного восставали с яростию и против самого христианства, как во Французскую революцию. — «А покуда, — заключает тот же писатель, — покуда духовенство ограничивается исполнением благих обязанностей своего призвания — облегчением скорбей и бед, как физических, так и нравственных, до тех пор мы будем уважать в нем служителей мира и любви к ближнему» (в конце V выпуска «Истории цивилизации Англии») ⁶. — Следовательно, так заключим и мы, если православные пастыри, не просто по доброй своей воле, а по самому существу православия, суть такие служители мира и любви к ближнему, которые служат именно тому, чтобы человеколюбивый Господь был с их пасомыми на всех их жизненных путях и потому духовная их самостоятельность была неприкосновенна во всех их жизненных делах, то это не только предотвращает разъединение у православных между интересами жизненными и религиозными, между интересами веры и пастырства, но и призывает самих западных неправославных из их нестроений и разделений по этим предметам к единению мира и любви в православии.

ности в союзе с Господом, критик так возвышает значение Церкви: «Она продолжает в мире воспринятое Иисусом Христом дело искупления... Церковь — это применение дела закланного Агнца к обновлению спасаемого мира...» — Знаю, что подобные выражения и представления встречаются у некоторых богословов в известном относительном смысле. Но все же должно сказать, что эти представления и выражения о продолжении Церковью дела Христа не имеют строгой догматической точности. Церковь *продолжает в мире воспринятое Иисусом Христом дело искупления?* — *Не то говорит слово Божие: Христос... Своею кровию вниде единою во святая, вечное искупление обретый. Единем бо приношением совершил есть во веки освящаемых* (Евр. IX, 11–12; X, 14). Не только воспринятое, но и совершенное Спасителем однажды навеки дело искупления не нуждается в созданных продолжателях этого дела, для них и невозможного. Церковь не совсем правильно называть и *применением дела Христова к обновлению мира*. Она ведь и сама есть дело Христово, по его слову: *созижду церковь Мою* (Мат. XVI, 18). Сохрани нас Бог от таких возвышений Церкви в наших представлениях, которыми открывалась бы возможность во имя Церкви предвосхищать людям, хотя бы и освященным, принадлежащее единому Господу и отнимать у других людей, хотя бы мирян, дарованное им от Господа! Нет выше и досто- чтимее внушаемых самим словом Божиим представлений о Св. Церкви как о благодатном Христовом теле, *составляемом и счищаемом* (или стройно и целостно развивающемся) из своего главы Христа (Еф. IV; 15, 16), и еще как о *невесте, Агнчей жене* (Апок. XXI, 9). Но мысль о Церкви как о невесте, жене Агнчей, внушает нам, что Церкви, даже и в отношении к Самому Господу, свойствен дух невестинской свободы, дух дерзновенного стремления любви, сколько возможно полнее и внутреннее сообщаться его мудрствованию и расположениям; такой благодатно-свободный дух и должен раскрываться во всех ее членах — духовных и мирянах. Мысль о Церкви как благодатном Христовом теле обязывает всех членов этого тела искать и полагать прямо в Самом Христе все жизненное и для каждого из них порознь, и в общем их союзе и взаимных отношениях.

Вам это не кажется идеализмом? Но выше всякого *идеализма* — возвышаться нам, в мысли и жизни, к Самому Господу; хотя, держась Самого Господа, сошедшего в наш мир чрез Свое воплощение и взявшего на Себя грехи мира чрез Свой крест, мы не чужды будем и объемлющего всякую мирскую и материальную действительность *реализма*... Только смотрите сами,

что вы, чуждаясь этого, как хотите, *идеализма* или *реализма*, не впали ли уже в недобрый идеализм, не снисходящий к мирскому и земному для его возвышения ко Христу, — в *это самовозношение за облака, противное и духу снисхождения Господня до вочеловечения и до жизни и смерти ради именно грешных и погибающих, противное и духу превознесения Господня на небеса, хотя с обоженным, но нашим же, земным, человеческим естеством* (с. 79 моей книги); не впали ли вы вместе и в тот худой материализм или реализм многих, который, стараясь благоустроить и возвышать вещественную сторону земного быта мирян и духовных, остается бесчувственно-равнодушным к выяснению и упрочению и за эту сторону Христовой благодати, открытой для всего человеческого к спасению его от скверны и лжи греха (с. 75). Ведь, в самом деле, невелика находка для христиан и, особенно, для духовенства — улучшить свой земной быт, но не поставив и этот быт сознательно под Христову благодать.

Довольно о взводимой на меня критиком вине идеализма и мнимого моего молчания о Церкви. Затем уж не касаюсь ни развиваемой критиком, довольно верной (за исключением некоторых вышперазобранных представлений) теории о Церкви, ни поставления на вид разных несообразностей и нелепостей противоцерковного начала. Все это направлено, правда, против меня и моей книги; но так как и мне самому принадлежит и в книге высказывается (как доказано выше) такое же православное умозрение о Церкви, так как и мне чуждо и в книге моей отрицается противоцерковное начало, — то вся эта полемика моего критика идет, собственно, мимо меня, направляясь в цель, которую он сам сработал и в которую стреляет, как в воображаемого неприятеля. Не могу, впрочем, иногда не улыбнуться, что и особенно нелюбимыми мною мыслями критик ратует против меня, как мыслями, принадлежащими моему образу мыслей. Так, по словам критика, у меня «как бы покровительствуется та мысль, что обществу других, связанных с нами узами единой веры и упования, нет дела до нас», — оно т. е., может быть, и пусть будет, к нам вовсе равнодушным и даже несправедливым!!! Но я, напротив, до глубины сердца оскорбляюсь и сетую, когда общество людей, связанных с кем бы то ни было верою, остается равнодушным к нему, к его делу и судьбе.

Обратим внимание, хотя уже более беглое, и на другие черты неправомыслия, изобретенные критиком насчет меня.

Критик говорит, что я «во всем, начиная от изделий мечтательного романа и кончая хлопотливыми заботами о житей-

ских потребностях, думаю будто бы видеть инстинктивное или сознательное служение Христовой истине и благодати». — Это неправда! — Я думаю (и эти думы высказал в своей книге), думаю и уверен, что и в заботах о житейских потребностях, и в делах купли и продажи можно быть и действовать со Христом, нисходившим до наших естественных потребностей, — верховным Хозяином всех предметов купли и продажи, дающим взореть к Себе при виде каждого человека как не омраченного еще совсем Его образа — к этому я и убеждаю мою книгу; можно за теми же делами и строить только Вавилон на свою пагубу — это и обличается в нашем большинстве моею книгою. Вот, например, слова моей книги, обращенные к купцу после выяснения, как ему, и за своим прилавком, служить Христу: *выбирай любое — либо благодать Божию, эту силу истинно Небесного Царства, либо Вавилон, который неминуемо пропадет, сгорит.* (Апок. XVIII, 8). *Долго ли нам, православным, быть в плену вавилонском? И мучимся мы, как какие колодники, в нашем Вавилоне* и т. д. (с. 54). Это служение кому?? — Так и в произведениях литературы, хоть бы в романах, я признаю возможность и раскрывать те или другие стороны истины, которая вся принадлежит Христу, и проводить обольстительную ложь. С этою господствующею мыслию я и разобрал в своей книге два романа, из которых в одном старался отделить все лучшее от худшего, ложного, иногда опровергаемого ненамеренно самим автором — собственным его чутьем истины (с. 497), а в другом — примечаю верное и живое художественное отображение одной из сторон высшего мироправления, совершающегося в нашей современности при столько заметном разладе между старым и новым поколением (с. 526 и 527). Это урок и опыт, как и за делом легкой для чтения или изящной литературы учиться и служить серьезной, живой истине и спасительному для общества добру, а не легкомыслию, или пустоте, или ядовитым сомнениям и расположениям. А критик выдумал, будто я во всем подобном вообще думаю видеть служение истине Христовой! Дело только в том, что ничем подобным заниматься я и сам не хочу и другим не желаю — иначе, а не в интересе истины Христовой, всем заправляющей. Иное дело, что все может быть поприщем для служения Христу, в Котором одна истина и спасение для всего; и иное дело во всем, даже греховном, — и видеть только служение Христу. Первое утверждаю я, раскрывая то же и в книге моей, как вызываемое вопиющими потребностями духовными в наше время. Последнее, против прямого смысла и слов книги, критик сам выдумал и приписал мне и моей книге.

В соответствие этой выдумке духовный критик вот еще что (как уж знает читатель из самого начала этой статьи) говорит о статьях моей книги: «Они весь ход обновления мира и воссоздания человечества представляют если не моментально совершившимся в существе Голгофской жертвы, то — продолжающим совершаться чрез всю историю человечества, в силу, так сказать, тяготеющего над нами и нравственно необходимого закона — возглавления всего Агнцем». — Опять неправда, и неправда вопиющая! — Я с особенною резкостью и силою поставляю на вид, что, по православному разумению смысла и хода всемирной истории, предначертанного Вседержителем от вечности и относящегося действительно к целям обновления мира и воссоздания человечества, — *мир и его развитие никак не оказываются жертвою всевластного и всепоглощающего Вышнего произволения, волею или неволею служа непременно исполнению этого произволения, как бы тяготеющего над нами и нравственно необходимого закона. Я разъясняю, что именно в силу собственного Христова (назначенного от вечности и действующего своим значением или духом от самого сложения мира) самопожертвования за мир и обоснования на этом всех судеб мира, — в силу этого благодать Божия и раскрывается хотя в строго последовательном и торжествующем над мирскими беспорядками порядке истинного развития человечества, но решительно без всякого подавления или насильственного увлечения человечества своим вмешательством* (см. с. 165). Вся моя книга — доказательство, что наше обновление я признаю невозможным без нашего свободного и живого вхождения в Дух Христов (которым живет это Христово тело — Св. Церковь). Потому-то я и трепещу за наше, например, поколение, чтобы, при вольном его невнимании и непослушании Господу, Который ведет нас и желающих из нас непременно доведет до земли обетованной, до обновления и оживления нашего во всем развитии нашей мысли и жизни, — *нашему поколению* тем не менее не пришлось бы, пожалуй, *измереть в пустыне Аравийской, предоставив войти в землю благодати уже новому, лучшему поколению* (с. 38). *Подумайте*, — говорю я всем, — очевидно не допуская и тени той мысли, что обновление мира и наше уже «совершилось в существе Голгофской жертвы или непременно совершится в силу нравственно-необходимого закона возглавления всего Агнцем», — *подумайте, что за неверность и небрежность к человеколюбивой истине и ангелы, не устоявшие в ней, не пощажены, и Божий народ, изменивший ее духу ради мертвых форм, отринут, и православный неког-*

да Запад, незаметно и постепенно терявший живую силу православия, оставлен наконец в заблуждениях неправославия (с. 31). С чего же взял критик взводить на меня вину такого неправомыслия, будто, по моему воззрению, обновление наше совершилось или совершается само собою, помимо нас самих, без нашего свободного и живого привития и упрочения в Христовом теле — Церкви, в силу только необходимого закона возглавления всего Агнцем?!

«Автор допускает, — говорит обо мне духовный критик, — даже инстинктивное, бессознательное со стороны человека осуществление этого закона». — Это не более как странное недоразумение! — Я, по Евангелию, признаю Христа Бога-Слово светом, просвещающим всякого человека, грядущего в мир, светом, и во тьме светящимся (Иоан. I, 5, 9), а Дух Его — разносящимся во всю землю (Апок. V, 6). В силу этого и допускается мною возможность в людях инстинктивных, безотчетных ощущений или предощущений Христовой истины и благодати, даже в глубоких ее тайнах; и так как это относится к Христову же свечению, то, по моему убеждению, и требуется от веры во Христа собирать все подобные разрозненные лучи Христова свечения в сосредоточенный свет одной, отчетливо разумеемой и все уясняющей, истины Христовой (этого предмета я уже имел случай выше касаться отчасти). Это внушается мною, между прочим, и для того, чтобы чрез выяснение и отнесение к открытому Христову свету подобных движений и выражений чутья к истине не давать никому коснеть в их безотчетности и удерживать под их прикрытием всяческие свои фальши (см. с. 472). Но и эти проявления инстинктивного чутья истины представляются у меня совершающимися правильно в людях, не иначе как разве свободная любовь последних к истине не перетолковывает самого их чутья к разным сторонам истины (см. с. 498). Что же тут остается в пользу тяготеющего на нас необходимого закона — возглавления всего Агнцем? Иное дело — признавать обоснование всего мира и его судеб на тайне Агнца Божия, самозакланного за грехи мира, так что вся эта темная, греховная сторона мира всех времен должна быть разумеема отяготевшею на Христе, а вся лучшая, духовно-живая сторона принимаема за сияние или только *отсвет и отображение того же Света, просвещающего всякого человека; хотя бы этот отсвет или отражение Солнца правды проходили иногда столько и таких сред нравственных, сколько и какие среды физические проходит отсвет видимого солнца, отражающийся, например, в реке, а от нее в стекле раскрытого окна, а отсюда в зеркале, а от*

зеркала падающий на случившуюся металлическую дощечку и уже отсюда на чье-либо лицо (с. 590). В этом открывается слава Христова, наполняющая всю землю, но зато и делающая нас страшно ответственными в случае нашего бесчувствия и невнимания к этой Христовой на земле славе, с восторгом воспеваемой самими небожителями (см. с. 141—148). Тут тоже есть возглавление всего Агнцем, но только верных, вводящее в самое Его тело — Церковь, а врагов низлагающее под Его ноги. — И совсем иное дело — измышлять с моим критиком какой-то фатальный, тяготеющий на нас с силою безостановочной необходимости закон невольного и неизбежного для нас возглавления всего Агнцем, — закон, очевидно поблажающий нашей беззаботности о себе, бездействию духовному, отсюда же и всем человеческим порокам и противоцерковной разнузданности.

После этого уже излишним кажется мне говорить что-нибудь и против оклеветания меня критиком в «готовности оправдывать и извинять многое бесконечным самопожертвованием и человеколюбием Агнца и ослаблением мною тяготы греха и порока собственно для людей». Примечательно, впрочем, что при таком своем замечании критик отмечает такие страницы в моей книге (с. 155, 156), где говорится о возможности исхищать погибшие души даже из ада при церковной молитве за усопших. Неужели критик идет против этого? Но относительно самопожертвования Агнца скажу здесь разве только то одно, что именно действующее в нашем мире от его сложения, и в самых даже его бедствиях и наказаниях, человеколюбие Агнца Божия, заклавшегося за нас, — оно-то и показывает всю безответность и достойную бесконечных мук преступность нашего порочного противления Ему; так как и действительно, Страшный Суд Христов, по Евангелию, всю свою вечную тяжестью падает на беззаконников именно за не усвоение, а отвержение ими Христова человеколюбия (Мат. XXV, 41—46), — что и поставляется моею книгою на вид обвиняющих меня в потачке человеческой греховности (с. 623—624).

Но опять не могу не остановиться на вопросе: отчего это некоторые поборники духовной мысли стараются с такою настойчивостью подыскиваться под мои самые прямые мысли, объясняемые притом и поддерживаемые взаимно одни другими? Неужели намеренно и умышленно? Я полагаю, что это делают, более или менее только инстинктивно отстаивая свое немножко храмлющее направление духовной мысли против ощущаемого подрыва его с моей стороны. Я сейчас это докажу.

Вот у меня в книгах моих поставляется на вид, что в христианском мире чрез дух папства, возглавляющий этот мир в земном иерархическом наместничестве Христа, открылась беда ниспадения христиан с высоты небесного жительства на землю; что в этом же духе противохристианского оземления, хотя и с протестами против самого папства, явилась и развилась преобразовавшая христианство многих рациональность и соответственная ей цивилизация; что и мы, православные, уже не чужды приражений⁷ к нам того и другого направления, из которых по одному не заботятся о возглавлении самой веры в Самом и одном Господе, а по другому впадают в противощерковную оземленившуюся рациональность, не отчуждаясь, впрочем, от разных остатков или предощущений чистой Христовой истины. А между тем православный Восток страдает в магометанском плену⁸. Что делать в такой запутанности обстоятельств, которою наше время, кажется, преимуществует пред всяким другим временем? Что делать особенно нам, православным русским? — Для возвышения к благодатному небу оземленившейся области мысли и жизни многих из нас — способ вечно один: сошествие Христово на землю и превознесение Его на небо уже с нашим обоженным, но земным и плотоносным человечеством. Поэтому я и настаиваю всячески на том, чтобы нам в своей мысли и жизни возглавляться в Самом Господе, входя в человеколюбивый дух этого снисхождения Господня в мир наш и этого небесного возвышения в Господе всего человеческого, в наше спасение, в этот дух, утверждающий и духовную самостоятельность всех верующих, но низлагающий и всякую разнузданность и своенравие. Таким путем мы можем и должны, с одной стороны, отражать от себя и низлагать дух клерикального преобладания и неверной Христу, противощерковно-разнузданной рациональности и тем готовить и приближать призываемое молитвами Св. Церкви воссоединение с нею Запада, запутавшегося в этих заблуждениях*. А с другой стороны, в то же время стали бы мы и поднимать к Господу, к Его небесной истине и благодати и всю оземленившуюся область нашей мысли и жизни и чрез это становились бы готовее и способнее вполне верными православию и потому совершенно надежными способами помочь и единоверному с нами Востоку выходить из страдальческого земного быта.

* В предыдущем подстрочном примечании мы довольно обстоятельно обозначали как западные крайности в этом отношении, так и прямое освобождение от них — чрез показанное выше раскрытие силы православия.

Но ведь, входя в Дух Христов, надо нам уж оставить свою привычку только осуждать и отвергать заблуждающих<ся>, а, напротив, надобно располагать и настраивать себя уж по духу самопожертвования за них Христова. Надо отрешаться от духовного самодовольства и самовозношения православием, а, напротив, видеть себя, по самому православию, только должниками других, имеющими жестоко поплатиться за беспечность разделить всемирное сокровище православия со всем миром. Надо озабочиваться и дорожить не правами одних членов Церкви, стеснительными для духовной самостоятельности других и не соответственными потому духу Христовой правды, но сохранением и развитием, под церковным водительством и попечением об этом, духовной во Христе самостоятельности равно всех (Гал. III, 26–29), — отчего и раскроется и само по себе, и пред миром истинное достоинство Православной Церкви, этой *свободной матери всем нам*, благодатно-свободным ее детям (там же, IV, 25–31). Надо нам осматриваться, не оставляем ли без движения и употребления многие, многие таланты всеобъемлющей Христовой истины и всеоживляющей Христовой благодати, не иссыхаем ли мы, будучи ветвями самой Христовой лозы, не мертвеем ли, будучи членами Христова тела — Церкви, и даже органами особенных ее отправлений, не обольщаем ли себя тоже каким-нибудь необходимым законом непременно-го спасения в Церкви, и не входя в одушевляющий это Христово тело Христов Дух. Очевидно, как много во всем этом надо изменить и поправить привычное направление мысли и духа, которое потому и становится, как говорится, на дыбы против такого посягательства на его отвержение.

Не знаю, нравится ли духовному критику мое объяснение явно ложных и противоречивых содержанию моей книги обвинений им меня в неправомыслии о разных предметах существенной важности. Но оно лучшее, какое мне возможно. Неужели, в самом деле, и мне тоже заподозривать критика в скрытых побуждениях и в преднамеренном умысле, хотя бы я это мог допустить в критике несравненно основательнее, чем его голословное обвинение меня в скрытых побуждениях и преднамеренности? Ведь духовный критик в своем стремлении настоять на своем в отзывах о мне доходит даже до таких действий, как — переиначивание отчасти моих слов по собственной мысли и подделка к моему образу выражения для приписания мне некоторого неправомыслия. Это действительно так. Вот однажды критик приводит как слова моего сборника, отмечая их знаками, следующее место: «Иисус Христос как Агнец Божий, взем-

лющий и вынесший на Самом Себе с грехами мира и условливаемые грехом все нестроения во всех предметах мира, Сам непосредственно, как лицо с Божественными силами и средствами, дарует миру Свое добро, светя человечеству светом истины и правды; *уничтожает* же в нем все злое и презренное *единственно* усвоением сего Себе как Агнцу, пожертвовавшему Собою за мир и готовому только поддерживать, облагоустраивать и успокоивать всех труждающихся и обремененных в мире». Этого места, в таком его виде, я не могу признать за принадлежащее мне или моей книге, в которой, прямо вопреки этому месту, есть нарочные предупреждения о том, что я отнюдь не думаю, *чтобы и нераскаянная греховность уж перестала быть виновною и губительною* или уничтожалась единственно Христовою смертью (с. 142). В другой раз критик отмечает знаками, хотя и не приписывает прямо мне, такие слова, которые показывают в себе характер моего образа выражения, и потому читателем, естественно, могут быть приняты за принадлежащие мне; а эти слова высказывают явно лютеранскую мысль: «Человек, верующий во Христа Спасителя, *всего меньше нуждается* в руководстве закона и *делах*, как сын благодати и любви Отчей». Я мог бы еще сказать, что верующий не нуждается в руководстве и *делах* закона (ветхозаветного), но сказать, что ему не нужны вообще *дела*, прилично разве Лютеру. Подобные действия духовный критик предоставил бы уж одному известному моему доброжелателю...⁹

Что же наконец скажу я духовному критику? После всего сказанного выше имею, кажется, право пожелать ему, чтобы читал и судил он чужие произведения с должною прямою, без задних мыслей о «скрытых побуждениях» автора и чтобы, в особенности, при осуждении кого-либо в неправых мыслях, даже и не о таких первостепенных предметах, как Церковь и дело нашего обновления, прежде всего построже к себе обсудил свой собственный суд. А то, пожалуй, в самый этот суд войдут не только явные противоречия содержанию обсуждаемой книги, но и еще такие странные противоречия суда самому себе, как это случилось с критиком в отношении ко мне: он в одном месте своей критики приписывает мне прямо *молчание о Церкви*, тут же, однако, присовокупляя, что я сам *говорю* о получении нами благодати усыновления именно *в Церкви*. Для проверки своего суда критику можно, конечно, не только повнимательнее обозреть и сообразить обсуждаемую книгу, но взглянуть и в другие книги того же автора. Особенно обсуждающему книгу «О современных духовных потребностях...» можно было бы об-

ратить внимание на то, что она для обсуждения и *надлежащего уразумения моего*, как выражаются, *принципа* отсылает читателя к книге моей об Ап. Павле («Несколько статей о Св. Апостоле Павле»), *который словом Божиим утверждает и внушает нашей вере этот самый принцип* (см. с. 633). Тогда, если бы критику, по делам службы или по другой причине, было бы неудобно или просто только не захотелось бы сводить к общему соображению моих разрозненных в книге мыслей о Церкви, довольно было бы ему прочесть в книжке об ап. Павле статью об учении его о Церкви, и мои воззрения на этот предмет были бы для него не затруднительны и не сомнительны. А то еще недалеко было бы заметить критику, винящему меня в намеренном молчании о Церкви, что у меня почти одновременно с книгою «О современных духовных потребностях...» вышла в свет книжка «Письма о благодати Св. таинств Церкви Православно-кафолической» (объявление о ней на оборточном листе обсуждаемой книги); а потому, если и показалось бы, что я не то что молчу (это совершенная неправда), а не слишком много (хотя и это не совсем правда, как сам читатель знает из предыдущего) говорю о Церкви в одной книге, естественно и справедливо было бы подумать, что, видно, обстоятельные объяснения о развитии моего «начала» из существенных основ Св. Церкви я помещаю в другой книге. И таким образом, критику совсем бы не пришлось прибегать к этой недоброй, оскорбительной системе о скрытых побуждениях, о преднамеренности умышленной.

Распространяюсь довольно об этом, собственно, потому, что верю доброму намерению критика не бросать на меня камень и желаю верить нескольким его словам, выражающим сочувствие ко мне. Видите ли, г. критик, что, со всем вашим добрым и сочувственным мне намерением, вы могли бы сделать с моею книгой чрез несправедливый и опрометчивый осудительный отзыв о ней. Хорошо, что книга уж открыта пред всеми; есть возможность и автору объясняться против осудительных нареканий, ссылаясь прямо на страницы и слова своей книги, и всякому читателю поверить все собственными глазами. Но будь еще моя книга, например, в типографии еще, или только в рукописи, или вообще в недовольной известности, — ваш отзыв о книге, будто бы намеренно молчащей о Церкви и все дело обновления нашего признающей совершающимся каким-то фатальным образом, мог бы иметь значение... как бы вам сказать?.. значение, пожалуй, извета против такой книги, которая касается существенно важных нужд времени и посылно подрывает очень, очень опасные и вредные для Церкви направле-

ния. И вы, с вашим нежеланием бросать на меня каменьев и с вашими смягчительными речениями: «как будто» или «едва ли можно», оказали бы мне и делу истины незабвенную услугу.

Но и теперь вот вы советуете мне быть повразумительнее и яснее в своем образе речи, чтобы иметь больший круг читателей. Сами можете судить, что вы, став между читающею публикой и мною такую несветлую для меня средю, как ваши неправые нарекания насчет самого правосмыслия моего, — и это в листках довольно официального духовного органа, — вы тоже чрез это слишком поблагоприятствовали умножению моих читателей. Я и без того должен пробиваться сквозь цельную *стену*, противостоя господствующим ныне направлениям и за то рассчитывая на серьезное и живое мне сочувствие почти только грядущих поколений. — Но грустно и больно, что, когда и западный мыслитель (Гизо в недавно изданной в русском переводе книге его) возвышается, отстаивая против нынешних нападений и отрицаний Христову истину, над духом придирок и партионных споров, даже между протестантством и римским католицизмом¹⁰, у нас и православные неправо придираются к раскрытию православия.

Довольно о высказывавшейся относительно моей книги духовной мысли. Взгляну и на проявления мысли светской по тому же предмету, в своем роде очень характеристические. Это — в «Русском слове», в библиографических заметках г. Зайцева, за апрель, кажется, 1865 года.

Сущность отзыва о моей книге в «Русском слове» состоит в том, что автор книги обозван просто *юродствующим*. В каком смысле? В смысле издевки, с какою именно в этом же отзыве говорится о подвиге или явлении *юродства*. По какому же, по крайней мере, поводу? Нет ли разве в книге моей каких-нибудь признаков того, что я говорю в ней отчасти в форме и с видом юродствующего? Нет, речь в книге от начала до конца идет в складе и характере обыкновенной человеческой речи, без тени приемов юродства: о самом юродстве, когда был случай мне касаться его или когда в целой, небольшой впрочем, статейке¹¹ рассуждал я о нем, я говорил и рассуждал во имя здравого смысла и в том простом интересе знания и образованности, чтобы не позволять себе порицать или отрицать что-либо с безотчетностию и самопроизвольностию, которых ныне не позволяют и башибузукам. Итак, г. Зайцев хотел отличиться только невежливостию и наглостию, рассчитав, конечно, что в данном случае ему не придется поплатиться за это? На такой мысли мне не хочется остановиться по моему личному расположению и

даже, если угодно, принципу — смотреть прежде всего на лучшее в человеке: без этого принципа и расположения, мне, пожалуй, не оборониться бы от презрения к людям по поводу испытанных мною наглостей со стороны одних, несправедливостей других, мертвой невнимательности ко всему этому остальных.

Чтобы добратся до какого-нибудь дельного или хоть только делового смысла в выходке г. Зайцева, я беру во внимание в характере вообще светской нашей мысли и письменности (не касаясь на этот раз лучшей их стороны) одну жалкую сторонку — по отношению именно к предметам, которым посвящена моя книга. У меня на этот счет отмечены недавние же, очень знаменательные явления, на которые, впрочем, еще не обращается у нас общественное и литературное внимание. Помню, как один наш, очень и очень представительный журнал*, поместив у себя одну статью пресловутого Бокля с некоторыми духовными вопросами и довольно религиозными мыслями о смерти и бессмертии, говорит в таком тоне и духе об этой неожиданности для некоторых господ: вот-де мы первые познакомили русскую читающую публику с Боклем, — первые же мы и не поклоняемся ему как общепризнанному божеству: мы всегда смотрели на него как на смертного, каким вот он и оказывается, рассуждая, между прочим, и о духовных предметах и явно склоняясь к верованию в бессмертие и будущую жизнь человеческой личности. По поводу и против этого другой наш журнал**, претендующий на еще несравненно бóльшую представительность в России, делает такой блистательный маневр. Он выписывает на свои страницы помещенный в одном из наших духовных журналов перевод одной английской статьи о Бокле¹², в которой серьезным и «уважающим себя» голосом какой-то ревнитель провозглашает этого Бокля отъявленным, по преимуществу пред другими, безбожником с самого времени, и даже по вине своего домашнего, а не школьного, воспитания. Значит, мол, и Бокль все еще остается в бессмертных, как мы-де всегда его понимали, вопреки недобросовестной неверности ему первого журнала; между тем вопрос по поводу того, что этот человек все же высказался в пользу верования в будущую личную жизнь людей, ловким софистическим движением обойден и тем прибит, едва успев подняться до нашей публики; духовная мысль уважена и довольна; а тенденции светской мыс-

* «Отечественные записки», поместившие у себя критическую статью Бокля о логике Милля¹³.

** «Современник».

ли известного кружка и журнала, усиливающегося задавать свой тон и другим, остаются нимало не тронутыми в своей самоуверенности, как бесспорно принадлежащие представителям европейской мыслительности. Вышло дельце удивительно ловкое! — представителем такого характера и движения светской мысли, и притом представителем горячим, признает себя и действительно оказывается и г. Зайцев: он даже уж слишком всегда забегает в этом вперед других, почему с невольным хохотом приостанавливают его по временам более холодные и серьезные вожаки партии. И вот этому человеку, любящему по-своему потолковать вкось и вкривь о многом, чего сам не понимает, попадаетея книга с таким дерзким названием: «О современных потребностях мысли и жизни...», и в этой книге заявляются права над человеческою мыслию и жизнью — Самого Господа, с советом притом «Русскому слову» внушать молодым людям за начало в деле истины и знания не «ядовитые сомнения», а живую веру и любовь к истине, хотя бы только стоящую еще не более как за это самое общее и начальное убеждение: *есть же истина!* Понятно, что естественным и простым движением горячего ревнителя животрепещущей современной мыслительности и свежей жизни было по-свойски остеречь молодых людей (а дело-то было именно о семинаристах) от возможного влияния книги и по-свойски же прихлопнуть ее автора за посягательство на монополию в деле истины новых олимпийских богов. Вникнуть пообстоятельнее в книгу прежде суждения о ней — это уж не в его пылком характере, да и не в его правилах. И таким образом вышло, что написал книгу упомянутого названия *юрдствующий*, — и больше ничего. Тут нет ни особенной невежливости, ни тем более наглости. Это — при известном характере и обстоятельствах светской мысли некоторых, при известном настроении г. Зайцева — совершенно в порядке вещей, в таком же простом порядке, по которому другие, более спокойные и уверенные в деле своей партии, считают за более достойное себя и притом за действующее еще сильнее на чаруемую публику — не обращать внимания на мечтательные попытки, а прочие русские деятели мысли и слова держат себя как люди, которым действительно нет никакого дела ни до чего подобного. Правда, г. Зайцев, по своей пылкости, проговаривается откровенно о многом, о чем другие за лучшее рассудили бы помолчать; но эта самая откровенность и может послужить интересу истины.

Итак, самоуверенные, а все-таки мнимые боги-олимпийцы! Удостойте, хоть для развлечения своего, внять голосу смертно-

го, у которого, однако, вам не удастся ни отнять, ни оспорить небесного огня. (Невольно сходит с пера и шутка, хотя от грусти за дело мысли и слова у русских.) Оставим, впрочем, шутки, даже и горькие, а предложим, по обыкновению, прямо слово здравого смысла и правды. — Вы, господа, стремитесь отстаивать свежую жизнь и живую мыслительность; это, конечно, дельное и достойное сочувствия и уважения стремление, в какие бы крайности ни увлекало оно вас иногда, охотно и с радостью признаю за вами. Но если вы хотите вести свое дело, по этому стремлению, хоть сколько-нибудь — не скажу — трезво и разумно, а просто с какою-нибудь надеждою на успех этого дела у нас в России, — то вы не можете серьезно не озабочиваться тем, как сделать, чтобы и народный наш дух становился на путь живой мыслительности и свежей жизни, а не закосневал на совсем противоположной дороге. Вы сами примечаете и это умеете высказывать беспрепятственно, что в неблагоприятном живой мыслительности и свежей жизни настроении или направлении наш народный дух многими неразумно и рабски задерживается, и притом очень и очень немало, во имя дорогих ему начал православия. Но вот пред вами — человек, стоящий и за начала православия, потому что он говорит о Божественных правах нашего Спасителя над нашею мыслию и жизнью, оправданных Им и всемирною историею, и животворным, просветительным существом и духом Своей истины, и непрестающими донныне фактами Его всевластительства и всеведения*, и наконец самую невозможностию без Него поставить выше произвола начала истины и добра, оградить от мечтательности наши стремления к доброму и прекрасному, осмыслить и оправдать отчетливо самые законы и требования разума. Но вместе это — человек, стоящий, на основании самого православия, за свежую жизнь и живую мыслительность, потому что он говорит и вместе твердо по-православному доказывает, что Сам Господь Самим Собою стоит за жизнь нашей мысли и противостоит косному ее бездействию и темноте, что Он Сам дарует и утверждает за нами духовную самостоятельность, что все сколько-нибудь жизненное и свежее, хоть бы только инстинктивное, относится

* Право, стоило бы любознательному человеку, хотя бы только из любопытства, прочесть третью статью в моей книжке «Печаль и радость по слову Божию» и потом спросить себя по совести, можно ли за XVIII веков так подделываться под грядущую еще для того времени историю, если не Сам Вседержитель предначертал и затем оправдал и совершил Свои предначертания самими событиями¹⁴.

в существе своей свежей жизненности к Его же свету, что, особенно, искренняя любовь к истине и достойная истины строгость и честность свободного исследования принадлежит служению Ему же как истине. Этот человек не усомнился поставить, именно как Христово же, на открытый вид все живое и свежее, все лучшее, и в таком произведении, которое иные православные и не называют, не перекрестясь, — как против какого наваждения: разумею роман «Что делать?» И вообще, если для ревности по православию достаточною порукою за правосмыслие этого человека, дорожащее всем освященным для нас и благодатию и священной для веры древностию, служит название его от людей века *юродствующим*, то и обратно, порукою пред самими людьми века, или передовой, как они думают, современности, за действительное и серьезное сочувствие его делу свежей жизни и живой мыслительности служат обвинения его и донныне, против всякой очевидности, в поблжке миру, в противоцерковных побуждениях и проч. И что ж? Вы, без зазрения совести, с издевкою, не затруднились такого человека назвать *юродствующим*.

Знаете ли вы, как жалко послужили вы чрез это собственному делу? Я всегда, по делу веры и знания, был уверен, что направлению неверия и противохристианских идей только не следует уступать ничего сколько-нибудь живого и свежего, что, напротив, все такое, будет ли то гуманность, рациональность, либерализм и под., следует, очистив от фальшивых односторонностей, относить именно к области Христовой истины как происшедшее от нее же и составляющее прямую ее собственность, — и тогда неверие или вообще противохристианское направление, только извращающее разумность и свободу, окажется во всем безобразии своей лживости, злости и вместе глупости. Такое самоопровержение этого направления и предначал г. Зайцев в своем ратоборстве против моего юродства. Он с издевкою отнес к юродству такие воззрения, по которым отстаивались живая мыслительность и свежая жизнь и с ними все разумно-либеральное и гуманное. Все это — юродство?! Что же затем оставили вы себе, кроме противохристианских тенденций в нагой уже их фальшивости и нелепости? Славно же вы постояли за дело мысли и жизни в их разумном и свободном развитии! Да, как хотите, но только уж за упрямую и дикую противоразумность ратуете вы, когда для вас юродство — такие речи и мысли: *если мыслитель еще не утвердился во Христе, а был бы только не прочь от принятия Христовой истины, когда бы удостоверился в том, что это — действительно истина,*

то пусть он дело своей мыслительности, с ее самозаконием, ведет не в духе самонравия или произвольности беззаконной, но в послушной верности законам мысли как высшей или строжайше обязательной для него правде. Пусть в сознании, что и у других людей те же законы мысли, какие и у него, мыслитель пускается в разные попытки своей мысли не иначе как в человеколюбивом духе серьезной и крепкой озабоченности по делу и судьбе мысли и за других людей. И таким образом мыслитель и с этим одним предначатием духа здоровой мыслительности вступит уже свою мыслию на стезю, несомненно, верного перехода — как из рабского и мертвого застоя, так и из столько подвижной влаемости¹⁵ от разных ветров и брожений мысли (с. 585 и 586). Вы стараетесь и наш православно-народный дух совсем отдалить от всякого движения живой мыслительности и свежей жизни, когда глумливо провозглашаете выходкой юродствующего такой образ мыслей: *нужно нашему духу, и в частности нашей мыслительности, прежде быть хотя бы в бессознательном соучастии Христовой жизненности, чуждой всего рабского и мертвого, — соучастии, выражающемся сначала хоть бы только в инстинктивном отчуждении или отвержении свежей мысли от всего рабского; и уже тогда наш дух и мыслительность могут входить в свет Христов, в живое и сыновнесвободное разумение Его истины. В том, говорит о Христе Боге-Слове св. Иоанн Богослов, вначале и всегда живот бе, и, собственно, уже живот бе свет человеком (Иоан. I, 3), т. е. «в Нем была жизнь, и жизнь была свет человекам» (с. 424).*

Коснусь, хотя некоторых, и частных в отзыве г. Зайцева о моей книге. Они тоже характеристичны и замечательны, особенно по вопросу о русской жизни и мысли.

Так, г. Зайцев издевается как над юродством, между прочим, над моими рассуждениями о самодержавии в России, подкрепляемыми убеждением не слишком или не всегда сочувственного нам, но, кажется, проницательного политического ума (Наполеона III) относительно «необходимости, чтобы императорская власть в России сосредоточивала как можно более в руках одного лица все силы государства» (с. 176 и след.), — также и над моими разговорами по крестьянскому вопросу, устраняющими нравственные поводы ко взаимным недоразумениям и недовольству между крестьянами и помещиками. — Это чем пахнет? Или откуда этот ветер дует и что хочет разнести или развеять из России?! — Это донос или извещец¹⁶, скажете вы? — Не беспокойтесь — отвечаю на возможность подоб-

ного запроса с чьей-либо стороны. От меня только идет один донос к вам же самим, гг. резонеры, считающие юродством слова́ и приемы простого здравомыслия, — донос на ваше легкое и двусмысленное отношение к делу истины и жизни; другого доноса нет с моей стороны. Издевку лично надо мною или моими рассуждениями странно было бы и несправедливо смешивать с оскорблением самого предмета этих рассуждений. Кроме того, и я также не люблю и считаю не полезным, а вредным благу общественному тот ложный, выветрившийся, подобно мякине, патриотизм, который лицемерно поставляет на вид только одну, и то жесткую, обязательность и пугающий вид власти или льстиво и нечеловеколюбиво провозглашает помещиков «отцами и благодетелями» за то, что они мужика били, и <тому> подоб<ное>. Вы сделали не более, как отнесли, видно, мои рассуждения и разговоры к подобной выветрившейся мякине, которую и хотели бы развеять от нас по чисту полю. Не так ли? Но вы бы, г. Зайцев, вместо беструдной, конечно, насмешки над попавшейся вам на глаза моею фразой: «В поре зрелого возраста», — хотя бы немножко потрудились вникнуть в самые мои мысли о власти и о крестьянском деле. Вы увидели бы, что в освобождении крестьян от крепостной зависимости я вижу и в книге своей, с разъяснением дела, указываю — освобождение и самих помещиков от кабального в разных отношениях положения столь многих из них, именно: от той пустоты, праздности, легкомыслия, жестокости, усыпления всех сил, и проч. и проч., к чему давались поводы и средства преизбытками, ничего не стоящими, и ничего же не стоящими всяческими помыканиями людьми (с. 295). Вы нашли бы (и, с какими бы ни было вашими воззрениями, могли бы оценить это, по крайней мере, со стороны дела, вами дорожимой), что в самодержавии я признаю и в своей книге раскрываю небесный дар, данный нам, русским, по собственной нашей восприимчивости, которую всею историею нашею или самою жизнью мы сами разрабатывали в себе, — дар, священнообязательный для нас всех — и властей и подвластных; это — такой именно дар, в котором открыт и предоставляется нам, но нами, при взаимодействии подвластных и властей, должен быть и воспринят и в нас действовать, — дух Господнего вседержания, правящего нами и всем миром не просто по всемогущему Его всевластию, но именно на основании и в направлении бесконечного Его человеколюбия и самопожертвования за нас, за самые даже мятежничества нашей греховности (хотя и без потачки этим последним), с бесконечным доверием нам благодати, но под условием всецелого наше-

го тому соответствия. Через такой образ воззрений — не правда ли? — именно, как пустая мякина, развеваются и непременно рассеиваются по чисту полю те ложные патриотические внушения и заботы, на которые выше указано, равно как своенравные притязания и стремления мечтаний, противных нашей истории и народному духу. Или «Русскому слову», может быть, кажется бесплодным и в жизни, как в мысли, начало ядовитых сомнений и недовольства? Нет, это начало не годится и для жизни, и даже особенно для жизни, в которой без духа бодрого и здраво, трезво уверенного в своем деле, совсем ничего не поделаешь, а только расстроишь и сделанное; в деле мысли тоже, конечно, совершается под заправлением начала ядовитого недовольства и сомнений, — только здесь это бывает большею частию так — а priori, в пустой отвлеченности; совсем другое — ставить самую жизнь, свою и общественную, на карту отравляющих сомнений и недовольства, могущих разрушить или расстроить всякое добро, но решительно ничего создать и благоустроить. Если по этому началу сомнений мы и в жизни, как в мысли, стали бы с г. Зайцевым признавать за «святые и вечные истины» только потребности аппетита и «дважды два — четыре» и под<обное>, то очевидно, много ли доброго и благоустроительного мы поделали бы в жизни*.

Кстати нам теперь поговорить и об умственном *скептицизме*, порождение которого в русской мысли, или чуть ли и не в общеевропейской, я (юродствуя, конечно) приписываю будто бы, по словам г. Зайцева, «Отечественным запискам». О, други, други! Такой скептицизм, за который г. Зайцев восстал на меня, пожалуй — и действительно — есть только порождение русской журналистики, хотя в своей книге я еще не имел основания говорить это. Да, г. Зайцев, после того как вы высказались насчет скептицизма в своем отзыве обо мне, я откровенно скажу вам, что вы только слухом слышали, а еще далеко не совсем понимаете, каков западноевропейский скептицизм. Этот последний скептицизм возник в западноевропейском мире и сделался как бы неотразимо присущею силою его мысли — вследствие таких причин. В этот мир, во имя и под видом святой для всех истины, вошла и в продолжение многих веков утвердилась очень многосторонняя и притом сильно деспотическая

* Удивительно, впрочем, что у нас начала сомнения и недовольства в жизни держатся часто тельцы упитанные, а успокаивать недовольное их сердце приходится иногда какому-нибудь бесправному ягненку.

ложь*, которая и въелась во весь склад западноевропейской жизни и мысли. Но в живом человеке, и особенно в таком обширном отделе живого человечества, как западноевропейский мир, неискоренимо живое чутье истины; и при самом обширном и многовековом преобладании лжи, тяготеющем хотя бы на всей области жизни и мысли, во имя самой истины всегда же возможны люди, столько любящие истину и чуткие к живому ее духу, чтобы всею силою своего духа сделать запрос о всем развитии мнимой и самозванной истины: *полно, так ли это?* И нашлись такие люди; и произошел и вошел в свою силу этот западноевропейский скептицизм, — произошел в глубочайшем своем основании, не от болезненных и блуждающих ядовитых сомнений, но именно от той глубокой веры и чуткой любви к истине, о которой (с возвышением, впрочем, ее и над западными, неизбежными в тамошних обстоятельствах, отравками или скептическими увлечениями многих) посоветовал было я «Русскому слову» говорить русским молодым людям. Посмотрите, каков этот скептицизм — в самом своем действии. Верный своему благородному источнику, этот западноевропейский скептицизм не позволяет себе терять из вида лучшего даже и в западном духовенстве, односторонность и притязания которого так дорого обошлись всему западноевропейскому миру. «Мы смотрим, — говорит, кажется, авторитетный представитель западного скептицизма (Бокль — в конце V выпуска перевода книги его «История цивилизации Англии»), — мы смотрим на духовенство как на общество людей, которые, несмотря на их склонность к нетерпимости, составляют, без сомнения, часть обширного и благородного учреждения, смягчающего нравы людей, облегчающего их страдания и уменьшающего их бедствия». А относительно истин веры, которые с западной точки зрения разумеются тоже более или менее односторонне, западноевропейский скептицизм, вне крайности увлечения своего, именно так держит себя, как только прилично и возможно по духу крепкой веры и любви к истине, а совсем не по ядовитым сомнениям. «Мы не посмеем, — говорит тот же, скептически-беспощадный и безуклончивый в самых своих началах, мыслитель, — не посмеем коснуться тех великих истин религии, которые совер-

* Разумею римское католичество, насколько оно — ложь, не касаясь и в нем жизненных остатков или задатков всего лучшего, сближающего его с православием. Односторонность и разные фальши и протестующего против этой лжи западного направления также не успокаивали, а только раздражали вызванное ложью скептическое движение мысли, о котором говорю далее.

шенно независимы от духовенства, истин, успокаивающих ум человека, ставящих его выше минутного увлечения и внушающих ему те возвышенные стремления, которые, открывая ему его собственное бессмертие, служат мерою и признаком будущей жизни». Не ядовитыми нахальными сомнениями, как видите, проникнут скептицизм мыслительности Запада европейского. Итак, воля ваша, г. Зайцев, но с западноевропейским скептицизмом ровно ничего не имеет общего напускной ваш скептицизм. Ведь вы смеетесь, как над странным и нелепым для вас юродством, и над таким образом мыслей: *Вера в свет истины вовсе не прочь от того, чтобы относительно всего, принимаемого на темную и слепую веру, задавать вопрос: да полно, так ли? Но один и тот же вопрос имеет совсем другой дух, когда его задает отчетливая вера в истину, — это дух, при всей своей энергичности, светлый и мирный, и совсем другой дух и сила в том же вопросе, когда он возникает из ядовитых сомнений, — это дух озлобляющий и отравляющий. И, без сомнения, жесткая и инквизиционная нетерпимость более сродна этому последнему духу, если бы только дать ему простор, нежели светлomu и мирному духу всегда свободной (т. е. равно и противорабской, и противодеспотической) веры в истину. Ведь вера в свет истины совсем не то, что фанатический обскурантизм, надевающий на обольщение себя и других личину веры (с. 370).*

Скептицизм наших гг. Зайцевых я назвал напускным. Он, в самом деле, происходит не из действительных и насущных наших потребностей. Обуявшие многих из нас односторонние или фальшивые направления, равно и неизбежные при переходе народного духа из непосредственной безотчетности к самостоятельной отчетливости затруднения и недоразумения, вызывают любящих истину только сделать энергическое напряжение, готовое даже к самопожертвованию по делу истины и потому способное разбудить мысль от усыпления, от невнимания и небрежения, даже от совершенного бессознания касательно того, что есть у нас же самих. И дело мысли и жизни у нас развернулось бы стройно и мощно, в живой связи и с европейскою мыслительностию, но самобытно и своеобразно. Самые результаты западноевропейской мысленной и жизненной работы наводят нас на наш истинный путь. Вот выше мы имели случай упомянуть об одном произведении Бокля, в котором он, наперекор напускному русскому скептицизму, с горячим сочувствием коснулся затруднений христианства, более всего от усыпления сил в христианах, и приподнял немножко завесу святилища своих

заветных верований. В этой же статье Бокль поставляет на вид, что, по действующей ныне теоретической и практической логике, самый *силлогизм* — этот универсальный и основной нерв наших знаний — в существе дела есть еще не более как одна из форм еще только *наведения*¹⁷. «Общего» мы еще, строго говоря, не знаем, чтобы твердо заключать от него о «частностях»; мы в силлогизме, как и в наведении, заключаем не от общей всецелости, нашим умом еще не захваченной, а только от множества частных к той или другой отдельной частности. Итак, и самый силлогизм не ведет еще к истине; а о наведениях и других приемах только не более как вероятного и говорить нечего. Что же наши знания? Область вероятностей, в которых ошибкам и произвольным или опрометчивым выводам — необъятный простор. Совсем другое дело, по Боклю же, вот такой способ познания истины: связан, например, был бы ты с другим человеком живыми и прекрасными узами взаимной чистой преданности, общих обоим вам чувств и дел добра, благородства, правды, общего отвращения от низостей и лжи, и вот этот человек сражен болезнью, умирает; ты видишь, ты неотразимо чувствуешь и сознаешь, что, с перерывом связи твоей с ним чрез его смерть, все нравственное здание твое, здание всего, условливающего для тебя достоинство человека, потрясается и готово обратиться в прах при допущении одной мысли, что этот человек, с которым связано у тебя все дорогое и святое, уже не существует навеки... «Нет, нет! — так вопиет против такой мысли все твое существо, — скорее все ложь и мечта, нежели только обольщение и мечта — вся эта жизнь любви, правды и добра; а когда это не обольщение и не мечта, то не может быть мечтою и обольщением загробная жизнь моего незабвенного соучастника в любви, правде и добре. Есть будущая вечная жизнь, есть царство вечной любви для самостоятельных человеческих личностей». Этот способ познания, в котором истина неотразимо ощущается и слышится всею глубиною нашего духа, не с детскою, впрочем, безотчетною непосредственностью, но со светлою и освещающею все умственные и нравственные наши приобретения отчетливостию зрелого сознания, выражен Самим Спасителем нашим так: *плоть и кровь не яви тебе, но Отец Мой иже на небесех* (Мат. XVI, 17). Этот великий благодатный способ познания истины не устраняет никаких других приемов и способов познания, ни силлогизмов, ни наведений, ни опыта, ни умозрений, но только, как верховный и все обнимающий, подчиняет их все себе; так что человек, действующий этим способом познания, умозаключает и соображает, делает

опыты и входит в умозрения — под заправляющим всеми этими действиями сознанием и ощущением всезидательной и вседержательной любви Отца, открытой и удободоступной нам в Его Слове и Сыне чрез домостроительство Его вочеловечения и истощания ради нас, грешных человеков, святящейся нам именно благодатию Св. Духа. Вот что предлежит предначать для всего мира русской мыслительности! Само собою разумеется, что для вступления на этот путь и для самостоятельности на нем необходимо для нашей мыслительности серьезно и отчетливо допросить себя, в чем основание и правда самих ее законов и требований. Ведь самозаконие и самоуправление нашей мыслительности таково, что она подлежит обязательности своих законов, осуждающей ее в случае нарушения этих законов, что потому располагать ими по своему произволу ей не дано, что, следовательно, тайна законодательства и верховного суда мыслительности нашей выше ее самой, а следовательно, выше и всевозможных ее систем как развитых из нее же, по ее же законам и способам. В чем же или в ком эта тайна? Без решения этого вопроса мыслительность наша, как бы ни была широка и хотя бы развивалась до бесконечности, осуждена в самом основании своем на бессознательную темноту, которой, однако, противится все ее существо. Так мыслительности нашей, ради себя самой, ради того, чтобы не пропадало ее дело и она сама, надо ей наконец (а следовало бы еще прежде всего) воззреть к Господу, всячески и непрерывно стучащемуся в ее храмины, превращающиеся уже и у нас едва ли не в вертепы не школ или партий, а каких-то шаек; надо испытательно и, пожалуй, осязательно дознать Его правду по всему, чем Он заявляет и оправдывает, как мы уже говорили о том, Свои непреложные права над нашею мыслию и жизнью, надо с плачем, — с плачем и скорбью о своем прежнем отчуждении от Него и радости обретения Его, — принять Его к себе, чтобы Он всегда и во всем был с нашею мыслию, и она с Ним, как невеста, разделяющая вечерю Агнчую с своим единственным Женихом.

Западноевропейская мысль располагает нас к этому же и своими отрицаниями. Возьмем во внимание, например, хотя бы известную отрицательную критику библейскую, всячески подкапывающуюся под самые главные источники Христовой истины — Св. книги¹⁸. Вот эта критика все думает опереться на прямой, как ей кажется, рациональный порядок происхождения этих книг, именно такого, какое она разнообразно измышляет. Выясните же вы внутренний и живой порядок, в каком стройно и строго последовательно раскрывались божественные

откровения; выясните это так, чтобы выясненный вами порядок просто и беспринужденно прилагался и к каждой Св. книге в отдельности, и ко всему последовательному ряду и совокупной целостности этих книг и чрез это вполне оправдывался бы в своей истинности. Что тогда окажется? Чрез этот внутренний порядок происхождения Св. книг открылась бы совершенная невозможность или осязательная нелепость переносить их, по разным гаданиям и соображениям, с своего времени появления на другое, выдумывать небывалые мирские цели и побуждения к их написанию и чрез это извращать все их содержание и действительный их смысл. Так вид живого организма и знакомство с внутренним порядком его жизни не позволяет изменить положение в нем отдельных членов и выдумывать небывалую в нем, какую-нибудь уродливую жизнь, что так легко и бесконтрольно можно было бы сделать, имея пред собою только скелет.

Внутренний порядок откровений, как ветхозаветных, так и новозаветных, в общем их составе и в важнейших их отдельных явлениях (т. е. отдельных книгах), немало, может быть, в существе дела уже и выяснен тем же, кого г. Зайцев провозгласил юродствующим. Но ни духовная мысль в интересе изучения слова Божия, ни светская в интересе науки и критики не обращают у нас внимания ни на что подобное. Нужды нет, что и западноевропейская критика, о которой знает наша русская мысль и ученость, располагала бы и требовала бы внимательно следить за всем подобным. Зачем это нам?! Мы лучше возьмем из отрицательной критики только этот могучий рычаг мысли — скептицизм и во имя его замкнем себя в ребячески-тесный кружок вот этих единственных будто бы, по этому скептицизму, «святых и вечных истин», *что надо есть и пить для поддержания своей жизни, что бывает больно, когда бьют, что дважды два — четыре*, и подоб<ных>. Ведь это ваше, г. Зайцев, скептическое умозрение?! Оно и основательно: потому что, строго и честно рассуждая по логике, никак не найдешь святой и вечной истины помимо Христа и потому придется остановиться только на том, что знают и малые ребята, да и эти «святые и вечные истины», известные ребяческому ощущению и смыслу, придется принять тоже не иначе как по-ребячески безотчетно, хотя уж и, несомненно, по одной, простой и обязательной для ребят, наглядности. И как в то же время это правосудно над нами! Не хотим с зрелую отчетливостию и основательностию принять, как дети, царства Божия, царства истины и правды, мира и радости в Самом Духе-Утешителе (Рим. XIV, 17): ока-

жемся, как дети, по своему упрямству и ребяческому сознанию только ребяческих истин. Мечтаем, что этот наш ребяческий скептицизм — благородная отрасль западноевропейского скептицизма, действительно благородного в коренном своем источнике — вере и любви к действительной истине; а на самом деле «ядовитые сомнения» у нас — плод только того, что, свихнув с истины и, однако, вертясь около нее же, естественно, обжигаемся и небесным ее огнем, и запалениями собственных представлений и в жестокой боли кричим, как горячечные больные, на все и на всех...

Вообразите, говорит г. Зайцев своему читателю о вашем покорном слуге, юродствующий хвалит роман «Что делать?» Чернышевского, хвалит журналистику светскую. — Да, это очень удивительное и труднообразимое в нашей литературе дело — протянуть руку открыто и прямодушно всему лучшему, подходящему к живой истине, хотя бы то было и у людей совсем не дружеских с нами школ. У нас ведь бывает, кажется, так, что люди *не нашего закона, не нашей партии* — уж по этому одному, должно быть, пошляки или достойные только смеха юроды. Пусть так! Но я искренно и справедливо хвалю и похвалю и г. Зайцева за все, что у него есть лучшего, нимало не задерживаясь милою и благородною его деликатностию в отношении ко мне. Вообразите, в самом деле, такие небывалые у нас вещи, наблюдательный читатель!! Только г. Зайцев, кстати, взял бы во внимание уж и то, что, когда я во имя всего разумно-живого и лучшего, что встретилось бы мне в людях противного мне воззрения или печать чего еще видна в них, отношусь и к ним с братским сочувствием и уважением, — сам далеко не то испытываю со стороны этих людей. Меня они честят или как человека противоцерковного, или как забавно юродствующего. Видно, когда я и протягиваю им руку братства с искренностию и любовью, то с такою же сердечною теплотою пожать мою руку — значит уже для них некоторым образом изменить чему-то своему, что им дорого и с чем я никак уж не могу и не хочу соглашаться. Видно, чувствуется и понимается ими, что, с моим мирным и симпатическим к людям воззрением, у меня далеко нет поблажки и покровительства ничему в них худшему или двусмысленному по делу истины и добра, что со мной сойтись по этому делу, пожалуй, труднее, чем с теми, которые все и всех бранят, что для простого заявления сочувствия мне уж надо пожертвовать кое-какими привычными понятиями, пристрастиями, формами, и прежде всего столько усилившеюся у нас самоуверенною нетерпимостию к противному воззрению,

не позволяющею даже обсуждать это последнее без вражды и гнева. Потому-то, например, сам же г. Зайцев может оказать мне бесценную услугу — заверить всяким честным словом г. Аскоченского, что, сколько он ни ревнует бранчиво по православной вере, его все-таки скорее можно удовлетворить в этом отношении, нежели меня, как я ни мирен по этому делу. Также и г. Зайцева может твердо убедить сам г. Аскоченский, что крайне опрометчивая ошибка — сблизать мое дело с «Домашнею беседою» (как это сделал было г. Зайцев в своем отзыве обо мне), что с последнею скорее побратается «Русское слово», по крайней мере чрез издевки надо мною. Да, мои братья! Кроток, мирен и примирителен в высшей степени — этот голос: *по Христе убо молим, яко Богу молящу нами, — молим по Христе, примиритесь с Богом; ибо Бог Христа, не видевшего греха, по нас «грехом» сотвори, да мы будем правда Божия о Нем* (2 Кор. V, 20, 21). Но сочувствовать и соответствовать этому голосу нельзя иначе, как уже отвергая самые даже льстивые и модные воззрения на истину помимо Христа, пренебрегая самую беспорочностию по правде законной, а от всей души признавая одного Христа истиною и правдою нашею и держась Его, притом в духе такой Его любви, по которой Он светит и во тьме и потерпел за заблуждающих<ся> грешников так, как бы Сам был олицетворенным заблуждением и грехом. Вот оно что!

Скажу, по осенившему меня чувству моего нравственного одиночества среди современников, несколько слов и о том, что касательно моей книги в «Русском слове» порадовались, по крайней мере, тому, что-де и из Москвы, из московской юридической глуши, слышатся толки о наполеоновских идеях, о современности и подоб<ном>. — Мне придется разочаровать г. Зайцева и в этой его радости. Я должен ему откровенно рассказать, почему именно книга моя «О современных духовных потребностях...» вышла не в Петербурге, а в Москве. (Злорадство, конечно, с удовольствием примет это к сведению, но, поверьте, и история русской мысли и слова когда-нибудь резко отметит мой рассказ на своих страницах.) — Предложено было издание моей книги сначала петербургскому книгопродавцу; но случилось так, что во время самых объяснений по этому предмету вошел в книжную лавку представитель и в Петербурге *московского** начала — г. Аскоченский. Завидев его, книгопродавец поторопился сейчас же покончить дело о моей книге, высказав, что он нахо-

* Понимая, конечно, московское начало только в смысле г. Зайцева...

дит неудобным принять на себя ее издание, подал руку пришедшему и скрылся с ним за книжными шкапами. И вот я передал свою рукопись московскому книгопродавцу... И я, разумеется, нимало не в претензии и против петербургского книгопродавца. Людям этой профессии как же иначе поступать, когда они знают, что в публике господствуют направления, мне неблагоприятные; а те люди, призвание которых — служить посредниками и проводниками между публикою и книгами, особенно книгами непривычного для публики направления, стараются только между мною и публикою поднимать выше и выше стену неблагоприятных мне направлений?? Итак, взяв во внимание если не содержание и дух моей книги, то рассказанный мною факт, заставляющий меня донныне краснеть от горького стыда — не за свое дело, а за то, как оно у нас в России понимается и ценится, как его чуждаются и других отчуждают от него равно и московские и петербургские начала, или умственные и практические тенденции, — взяв это во внимание, «Русское слово» может судить, насколько моя книга принадлежит Москве в существе дела. Нет, ни по московским, ни по петербургским людным улицам, а одиноко и пустынно лежит пока моя дорога, хотя, идя по ней, я не считаю чужими и посторонними для себя не только и наполеоновские идеи, но вообще все, что совершается и слышится в нашей современности, все, в чем только замешан человек, за которого Господь стал человеком. При всем моем духовном одиночестве, не мне принадлежит замкнутая в себе теснота как невежества, ничего почти не знающего и знать не желающего, так и сродной ему той образованности, которая за узкими своими пределами уж не внимает ничему и потому не имеет и понятия ни о чем, а только дерзка неудержимо в приговорах о том, чего, как и невежество, она не знает и знать не хочет.

Да и теперь повторю сказанное в моей книге, что поносить, например, и юродство Христа ради как какую-то глупость, годную только на то, чтобы пользоваться образом и названием этой глупости только в насмешку над кем-либо, юродствующим будто и в письменном деле, — издеваться таким образом над юродством без надлежащего обсуждения этого явления недостойно и чуждо действительной образованности. Не так относились к этому явлению и самые, скажу так, отцы нынешней светской критики, как, например, Белинский, с уважением его касающийся. Тогда как ребяческое легкомыслие с издевками пишет и издает книжки о целых десятках юродивых в Москве и ее

окрестностях *, мыслящему человеку естественно остановиться на вопросах: отчего юродство, этот необыкновенный сам по себе род жизни, составляет такое обыкновенное явление в России, отчего так горячо и непоколебимо сочувствуют ему русские люди, особенно водящиеся простым чувством веры и правды и знающие почти одну науку простого здравого смысла, отчего не только издевки, но и действительные злоупотребления и лицемерные подделки юродства, встречающиеся в жизни нашей, не успевают подкопаться под глубокое народное уважение и почти даже верование к юродству? По фактам, мною долговременно изучаемым, я, с своей стороны, не могу не признать юродства Христа ради — чем, вы думаете? да именно — нашим православным, вызываемым прямыми и настоятельными потребностями нашего православно-народного духа, скептицизмом, твердо — не на словах только, а всею жизнью — делающим против господствующих над умными людьми направлений, против разнообразных их, не по Христу и Его правде, умничаний, практических и умозрительных, такой запрос: «Да полно, ум ли, разумность ли все это, а не скорее ли, по своему существу, такая же глупость, какую мы показываем в себе по наружности и по роду нашего подвига, как будто и мы такие же дураки, виноватые глупостью наших братьев и сестер!» И народное чутье слышит правоту этого запроса, и православные, зная за собою вину одолевающих их и в мысли и в жизни разных глупостей, идут к юродивым, как <к> своим вразумителям и вместе щедрым уплатителям долгов своей глупости, и потому не смотрят в этом случае ни на возможности ошибиться, ни на какие издевки... Мыслящий читатель моей настоящей статьи, на основании и того только, сколько раскрыты в ней некоторые жалкие стороны нашей русской мысли, найдет вполне основательным и верно отвечающим на состояние и потребности нашего духа — этот скептицизм юродства, о котором сейчас сказано мною. А я к сказанному прибавлю, что моему направлению и воззрению к Христу как к единственной истине и правде для всякого дела и для всей полноты мысли нашей, для всякой среды и дела жизни нашей, и Который притом таков именно по духу Своего снисхождения в мир и самопожертвования за мир, я находил прямое сочувствие и соответствие и поддержку, особенно, в *юродивых Христа ради*, снимавших с себя иногда для выражения этого самое покрывало своего юродства. Это факт! В этом отношении, пожалуй, и за г. Зайцевым остается доля

* Недавно вышла в свет такая книжка¹⁹.

правды в названии меня юродствующим, как такого человека, дело которого — юродство для подобных г. Зайцеву умников (за то, что оно требует от них основательности и разумной правоты собственного их дела) и почти только для юродивых — вполне разумно... Грустно, однако, и скучно, скажу снова, до болезни грустно в нашем русском мыслящем мире, в котором попадают довольно удачно на истину иногда, только осмеивая эту истину...

Таким согласиём и с г. Зайцевым заканчиваю мою статью. Может быть, я говорил по делу с г. Зайцевым более серьезно, нежели требовало и заслуживало это дело; так, по крайней мере, уверяют меня прослушавшие мою статью; довольно бы, говорят, улыбнуться, если нет охоты и настроения — хохотать, как это делают в отношении к подобному ребячеству даже люди партии или школы, одной и той же с г. Зайцевым. Но дело-то касается не ребяческих предметов, да и я не только привык с уважением усматривать и в ребятах человека, но смотрю на дело г. Зайцева относительно меня совсем не как на ребячество. Г-н Зайцев сделал не более, как только с свойственною ему откровенностью высказал то, что вообще есть в духе известной светской мысли, стремящейся, и даже уж мечтающей, заправлять русскою публикою; об этом я, с должными доказательствами, говорил в самом начале моих речей по поводу отзыва обо мне г. Зайцева. Это стоило серьезного внимания и слова; когда-нибудь и наша публика догадается обратить на это серьезное внимание, а не станет только тешиться подобными, слишком уж обычными, выходками дельцов слова русского, явно рассчитывающих на эту потеху своих читателей. — Не часто я говорю таким голосом; так говорил я, помню, только еще один раз прежде, когда, по выходе в свет первой моей книги — «О православии в отношении к современности» — поразил впервые голос о мне некоторых, как о каком-то ренегате, потакающем и сочувствующем чуть не всякому греху и заблуждению²⁰. Теперь, высказавшись за свое дело и мысль, которым доселе не дают у нас прав гражданства, снова войду в свое обычное, мирное положение и расположение, не переставая, однако, своим обычным же, тихим и осторожным тоном, но всегда с прямою и без уклончивости, говорить и писать, насколько есть и будет у меня возможности и умения, в смысле этого слова последней моей о нашей современности книги: *пора бы уж проснуться нашему православно-русскому духу, так долго и глубоко во многих из нас спящему и только бредящему во сне* (с. 214). Только, во всяком случае, победа истины над всеми ее перетол-

кованиями и отрицаниями, над всем невниманием и враждою к ней уж несомненна после того, как Сам Господь, наша Истина, уж входил в такое положение, которое еще в Ветхом Завете было предусмотрено и выражено прямо от Его лица: «Я сказал было: напрасно Я тружусь, по-пустому, и вотще истоощаю силу Свою» (Ис. XLIX, 4), и которое Он так объяснял противникам Своей истины и благодати, в минуты решительного, по-видимому, их преобладания и торжества: «Теперь ваше время, и власть тьмы» (Лук. XXII, 53), тьмы неведения, лжи, легкомыслия, злобы. Только бы быть с Господом — нашею Истиною!

